

✓ К-14038
П 299652

ISSN 0453—8048
ISSN 0320—8338

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 193

ФІЛОЛОГІЯ

Випуск 13

95 к.

Вісн. Харк. ун-ту, 1980, № 193, вип. 13, 1—89.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00289181

7

ЗМІСТ

Мовознавство

Медведев Ф. П. Вклад О. О. Потебні у дослідження історичного розвитку синтаксичної структури слов'янських мов	3
Шклярєвський Г. І. І. С. Рижський (Біля джерел вивчення російської мови в Харківському університеті)	8
Калашник В. С. Поетичний фразеологізм у словесно-образній системі. (Постановка питання у зв'язку з концепцією О. О. Потебні)	15
Широкоград Є. Х. Імена збірної семантики у висвітленні О. О. Потебні	19
Сукаленко Н. І. Комбінаторна семантика і поетична мова	27
Дорогань Л. В. Питання словотвору в учбово-методичних працях М. М. Баженова і О. М. Фінкеля	33
Мчедлова-Петросян Н. М. Про два способи визначення нейтральності/специфічності лексики	39

Літературознавство

Гомон М. Л. Питання історії і теорії жанру байки у дослідженнях учених Харківського університету (І. С. Рижський, В. Г. Маслович, О. В. Склабовський, О. О. Потебня)	42
Міхільов О. Д. Питання комічного у працях філологів Харківського університету	49
Щербина В. Я. Майстер науково-критичного дослідження	53
Ніколенко М. Я. Деякі аспекти історії зарубіжної літератури XIX ст. у працях О. І. Білецького	57
Корж Н. Г., Луцька Ф. Й. З історії класичної філології у Харківському університеті	61
Корж П. Я. З історії науково-методичних видань у Харківському університеті	67
Дорошенко В. О. Проблеми типології українського радянського роману 70-х років	72
Московкіна І. І. Харківське оповідання Гаршина. (Поетика «Четырех дней»: конфлікт—сюжет—герой—оповідь)	82

МІНІСТЕРСТВО ВИЩОЇ І СЕРЕДНЬОЇ
СПЕЦІАЛЬНОЇ ОСВІТИ УРСР

ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
№ 193

ФІЛОЛОГІЯ

ВИПУСК 13

Заснований у 1965 р.

ХАРКІВ
ВИДАВНИЦТВО ПРИ ХАРКІВСЬКОМУ
ДЕРЖАВНОМУ УНІВЕРСИТЕТІ
ВИДАВНИЧОГО ОБ'ЄДНАННЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1980

Філологія, вип. 13. Вісник Харківського університету, № 193. — Х.: Вища школа. Вид-во при Харк. ун-ті, 1980. — 89 с.

Вестник посвящен 175-й годовщине Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. В статьях рассматриваются вопросы развития языкознания и литературоведения на материале трудов известных ученых университета, в частности И. С. Рижского, А. А. Потебни, В. Г. Масловича, А. И. Белецкого, Н. М. Баженова, А. М. Финкеля и др.

Для научных работников и специалистов.

Списки лит. в конце статей.

Редакційна колегія: доц. Л. Г. Авксентьев (відп. ред.), доц. Л. Г. Бикова (відп. секр.), проф. В. В. Акуненко, проф. З. С. Голубева, М. Л. Гомон, доц. П. Я. Корж, проф. Ф. П. Медведев, доц. О. О. Миронов, доц. Г. І. Шкляревський.

Друкується за рішенням Вченої ради філологічного факультету (протокол № 6 від 29 грудня 1978 р.).

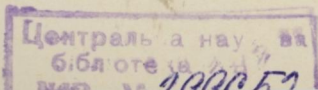
Адреса редакційної колегії:

310057, Харків-57, вул. Гоголя, 7, філологічний факультет Харківського державного університету, тел.: 22-42-27.

Редакція гуманітарної літератури.

В 70100—107
М226(04)-80 4601000000

© Харківський
державний
університет, 1980

Ф. П. МЕДВЕДЕВ, д-р філол. наук

ВКЛАД О. О. ПОТЕБНІ У ДОСЛІДЖЕННЯ ІСТОРИЧНОГО РОЗВИТКУ СИНТАКСИЧНОЇ СТРУКТУРИ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

Класики марксизму-ленінізму завжди приділяли багато уваги питанням наукової і культурної спадщини. В. І. Ленін так визначає наше ставлення до спадщини попередніх епох: «Марксизм аж ніяк не відкинув найцінніших завоювань буржуазної епохи, а, навпаки, засвоїв і переробив усе, що було цінного в більше ніж двохтисячолітньому розвитку людської думки і культури» [1, с. 321].

Виходячи з цих методологічних настанов В. І. Леніна, ми й повинні охарактеризувати деякі питання спадщини одного з найвидатніших філологів минулого століття Олександра Опанасовича Потебні.

Вивчаючи проблему спільності слов'янських мов у їх синтаксичній системі, ми свідомо зосереджуємо увагу на величезному вкладі О. О. Потебні у розробку питань історичного розвитку синтаксичної структури слов'янських мов. Адже, «першим, хто поставив порівняльно-історичне дослідження окремих синтаксичних явищ не тільки слов'янських, а й індоєвропейських мов у цілому на нову методологічну основу, пов'язавши його з загальною проблемою розвитку синтаксичної структури речення, був геніальний український учений О. О. Потебня» [2, с. 8].

Проблеми спільності слов'янських мов у їх синтаксичній системі дуже великі і важливі. Їх актуальність не викликає будь-якого сумніву. Щоб розкрити вклад геніального вченого в цю частину наукової граматики потрібна наполеглива праця ряду вчених. Тому ми в даній статті не претендуємо на повне висвітлення і розв'язання поставленої проблеми, а зупинимося на розв'язанні тільки окремих питань.

Наукову діяльність О. О. Потебня розпочав у шістдесяті роки XIX ст., коли визрівали ідеї народної революції, коли революційні демократи на чолі з М. Г. Чернишевським прагнули втілити в життя ідеї В. Г. Белінського, якого О. О. Потебня назвав «справжнім героєм свого часу» [3, с. 152]. Розвивалася реалістична література, мистецтво, а також природничі науки, представлені славнозвісними іменами О. М. Бутлерова, Д. І. Менде-

леєва, В. О. Ковалевського, М. І. Сеченова та інших. Саме в цей час розгорнулася робота над збиранням і вивченням українського фольклору — пісень, казок, приказок, прислів'їв. О. О. Потебня не був байдужий до великої праці в цій галузі М. О. Максимовича, М. І. Костомарова, Т. Г. Шевченка, І. І. Манжури, П. П. Чубинського. Саме тому він приділив багато уваги питанням аналізу фольклорного матеріалу, опублікованого А. Л. Метлинським, Я. Ф. Головацьким, П. П. Чубинським та іншими збирачами народної творчості. Аналізуючи російський, український, білоруський фольклор, О. О. Потебня порівнював його з народною творчістю інших братніх слов'янських народів — поляків, чехів, словаків, болгар, сербів. Він мав прекрасні знання з порівняльно-історичної граматики слов'янських, германських і романських мов, чудово знав художню літературу всіх слов'янських народів. У лінгвістичних дослідженнях О. О. Потебні, як і в інших його творах, зібрано не тільки великий фактичний матеріал, але й глибоко висвітлено ряд спеціальних проблем з історії російської, української та інших слов'янських мов. Він глибоко усвідомлює, що зміни у будові мови тісно пов'язані зі зміною мислення, яке завжди пов'язане з певною формою руху матерії — з діяльністю мозку. Отже, реальність думки проявляється в мові. Якщо наш світогляд, підкреслює О. О. Потебня, значною мірою відрізняється від світогляду попередніх часів, то і наша мова також відрізняється від попередніх періодів свого розвитку. Він розглядає зміни граматичних категорій, зміни у синтаксичній системі слов'янських мов у зв'язку зі змінами життя і світогляду носіїв цих мов.

О. О. Потебня, аналізуючи граматичну структуру і лексичний склад мови, прийшов до категоричного висновку, що «нові мови взагалі є досконаліші органи мислення, ніж давні, бо перші включають у себе більший капітал мислі, ніж останні» [4, с. 64]. Він не тільки відкрив, але й глибоко зрозумів процеси розвитку й удосконалювання мов, у тому числі і їх синтаксичної системи. Щодо цього на особливу увагу заслуговує твердження О. О. Потебні, що «в мові, якщо розглядати достатньо тривалі її періоди, все рухливе і ніщо не досягає до кінця» [4, с. 301].

Поява першої частини праці «Из записок по русской грамматике» викликала одностайне схвалення російської і світової критики. Видатний російський учений акад. І. І. Срезневський з приводу цього твору писав: «Такого цільного філологічного розбору будови мови у нас ще не було» [6, с. 54].

Великою заслугою О. О. Потебні перед світовим мовознавством є те, що він перший в історії лінгвістичної науки показав, що й синтаксичні категорії є змінні, що вони, як і інші категорії, підлягають законам розвитку. З приводу цього проф. А. С. Будилович писав: «Виявилось, що і синтаксичні категорії мови, які вважались раніше також незмінними, як і закони логіки, на ділі змінюються, і притому з зміною етимологічних форм і у взає-

модії з останніми. Це відкриття не тільки вгадане, але й доведене Потебнею, має у мовознавстві таку ж вагу, як учення про змінювання видів у науках біологічних» [6, с. 64], (тобто дорівнює відкриттю Ч. Дарвіна. — Ф. М.).

Справді, праця О. О. Потебні «Из записок по русской грамматике» — це найвидатніше творіння в історії світової лінгвістичної науки. Це був на той час великий вклад у вивчення мов слов'янських народів.

О. О. Потебня навів численні факти з історії не тільки російської, української, але й інших слов'янських мов. Синтаксична система російської мови, вчення про речення (I—II частини), конкретна історія частин мови (III—IV частини) вперше в історії слов'янської лінгвістичної науки знайшли своє ґрунтовне висвітлення. Ця праця, зокрема її багатий фактичний матеріал, має безперечну цінність і для сучасної мовознавчої науки.

Заслугою О. О. Потебні є те, що він розглядає історію граматичних категорій у взаємозв'язку з історією речення.

Це дослідження О. О. Потебні в галузі історичного синтаксису слов'янських мов за глибиною його розробки, наукової важливості одержаних наслідків, за багатством фактичного матеріалу залишається й до нашого часу в цілому неперевершеним. Саме тут О. О. Потебня розкрив споконвічну спорідненість та загальні закономірності синтаксичної системи слов'янських мов і накреслив шляхи їх дальшого розвитку.

У праці «Из записок по русской грамматике» О. О. Потебня, користуючись порівняльно-історичним методом, зіставляючи структуру речень та процеси їх розвитку у слов'янських та інших індоєвропейських мовах, не тільки переконливо показав спільну основу цих речень, спільні процеси, що відбуваються у генетично споріднених мовах, але й переконливо обґрунтував їх зв'язок з еволюцією людського мислення. Він глибоко відтворив картину поступового творення та розвитку підрядних речень, показав поступовий перехід від паратактичної до гіпотактичної структури речень. Ця тривала еволюція структури речення зумовлена потребами людства у досконалішому зв'язку спілкування. О. О. Потебня, розв'язуючи цю складну проблему, спирався на фактичний матеріал не тільки слов'янських, але й ряду інших індоєвропейських мов, зокрема литовської, німецької тощо. Він переконливо розкрив, що праслов'янська мова і мови окремих слов'янських народів раннього періоду, як правило, мали паратактичну будову речень; обґрунтовано довів, що заміна паратаксису на гіпотаксис — явище значно пізнішого часу, що гіпотактична сполука є новішою формою зв'язку, прогресивнішою і досконалішою.

Аналізуючи давньоруські і староукраїнські писані пам'ятки, ми мимоволі звертаємо увагу на те, що підрядні речення у цих мовах стоять, як правило, після головного, наприклад: оумре князь великий лядский Кондрат, *уже бѣ славень и предобрѣ*

(Іпат. літопис). Проте залежність між головними та підрядними реченнями у давні часи не була така тісна, як тепер. Підрядні речення мали велику самостійність, що давало їм можливість дуже часто виступати у препозиції до головного. О. О. Потебня наводить такі приклади: *которого князя, хочеше и язъ вам того дам* (Пск., I, 222, Потебня, III, с.345): *котрий чоловік отця свого, матер штить, поважає, тому бог...* (там же, с. 246). Такого типу речення переконують нас у тому, що залежність підрядних речень у давні часи була меншою, вони були самостійнішими порівняно з підрядними реченнями нашого часу. Це ще в більшій мірі стосується структури складносурядного речення. Зрозуміла річ, що з того часу багато утекло води, багато чого змінилося, змінився і паратаксис, і гіпотаксис. Отже, не можна ставити знак рівняння між паратаксисом і гіпотаксисом давньоруської та паратаксисом і гіпотаксисом сучасної української мови. Але ясно одне, що в історії мови — ключ до того, як відбувалися ці процеси протягом історії розвитку мови.

О. О. Потебня, висвітлюючи ті чи інші питання історії розвитку слов'янських мов, прагнув розв'язати основну проблему мовознавства «куди ми йдемо» [5, с. 5]. Він блискуче довів на численних прикладах, узятих із слов'янських та інших мов, що в «житті мови граматичні розряди виникають, змінюються, замінюються іншими, разом з чим змінюється і вся будова мовлення» [5, с. 5]. Для ілюстрації розглянемо кілька прикладів, узятих із давньоруської та староукраїнської мови. Як відомо, активний нечленний дієприкметник минулого часу типу *несь, писавъ* (чоловічий, а також і середній рід), *несъши, писавъши* (жіночий рід) порівняно рідко виступає у складеному присудкові. На думку О. О. Потебні, цей дієприкметник поступився перед активним нечленним дієприкметником минулого часу на *-лъ, -ла, -ло*, який у сполученні з допоміжним дієсловом *бути* в формі теперішнього часу утворював перфект (*ходилъ есмъ, ходилъ еси...*). Ця зміна викликана тяжінням мови взагалі до раціонального та економічного використання відповідних форм, їх спеціалізацією. О. О. Потебня вважає, що «мови слов'янські намагалися позбутися надмірностей двох схожих дієприкметників минулих активних (*-ъ, -въ і -лъ*) і встигли в цьому, давши їм різні призначення: першому — сполучатися з дієсловами, менш схильними до формальностей, а другому — з *ес-, бы*, які вже в даній мові, у всякім разі у сполученнях із дієприкметником на *-лъ*, хоч і не цілком формальні, але ближчі від перших до формальності» [4, с. 138]. Це вплинуло на характер структури давньоруського та староукраїнського речення, відбулося його зміцнення, вийшли з ужитку конструкції типу: *а вонъ не досмотревши моеъ вѣрноѣ служби и велѣ лъ мя имить без моеъ винъ* (Грамота 1434 р.). Аналогічне явище спостерігаємо і в інших слов'янських мовах. О. О. Потебня підкреслює, що «єдиним

доказом рівнозначності речень і повної предикативності дієприкметника в «Заутра вставъ и рече», Лавр., 4, є те, що в сучасній нашій літературній мові сполучник був би тут поставлений тільки в тому разі, якщо б потрібно було з'єднати рівнозначні речення. Але такий висновок від нової мови до давньої передбачає рівність цих мов, якої у дійсності немає» [4, с. 190]. У цій конструкції речення виступають дві майже рівнозначні на той час складові частини: дієприкметник і дієслово.

Вживання сурядного сполучника у давньоруській мові між дієприкметником і дієсловом є «окремиий випадок того, що можна назвати недостатністю зв'язаності речення у стародавній і народній мові у порівнянні з сучасною літературною. Сполучники тут наче б то позначають шви між членами речення, які ще недосить зрослися» [4, с. 196—197]. У цьому суть вчення О. О. Потебні про другорядний присудок.

У сучасній українській мові давня форма дієприкметника на *-лѣ, -ла, -ло* є формою минулого часу дієслова. До речі, О. О. Потебня підкреслює, що «форма на *-лѣ* як дієприкметник залишилася тільки в слов'янських наріччях, і в цьому смислі чужа навіть литовсько-латиській» [4, с. 232]. Що ж торкається активних дієприкметників теперішнього часу на *-а, -я, -ючи, -ючи* (*неса, говоря, несучи, читаючи*) та активних дієприкметників минулого часу на *-ѣ, вѣши* (*писавѣ, писавѣши*), то вони, як відомо, на певному етапі розвитку слов'янських мов, втративши свою предикативність, вийшли з ужитку, лігши в основу інших розрядів слів. Саме цього не зрозумів Ф. Міклошич, який трактував функції еднальних сполучників у даній ситуації як помилкове явище. Він категорично заперечував семантико-граматичну тождність дієприкметникових і особово-дієприкметникових конструкцій у слов'янських мовах давнього періоду [8, с. IX]. Аналогічної думки він дотримувався і пізніше [7, с. 827]. Не пощастило позитивно розв'язати це великої принципової ваги питання ні І. І. Срезневському [9, с. 82—83], ні Л. А. Булаховському [10, с. 261].

Розгляньмо ще один приклад. Австрійський мовознавець, основоположник порівняльної граматики слов'янських мов Ф. Міклошич стверджував, що нібито орудний предикативний давніший за другий називний. На його думку, відбувається поступова заміна давнього орудного називним. Цю помилку видатного мовознавця блискуче спростував О. О. Потебня. Як відомо, перший називний — це підмет. Другий називний — це називний, що виступає в функції предиката. Наприклад: *Добра жена вѣнецъ мужу своєму и безпечалие*, а *зла жена лютая печаль* (слово Даниїла Заточника, 25).

О. О. Потебня, проаналізувавши численну кількість писаних пам'яток, довів, що орудний предикативний склався за аналогією до орудного способу дії. Він переконливо показав, що орудний предикативний послідовно витісняє принаймі в західно-

і східно-слов'янських мовах другий називний при всіх категоріях дієслова: Понеже *была бѣ* мати черницею (Никон. л. 40); *Бѣ* бо у Ярополка жена грекинѣ, *бѣше была* преже *черницею* (Синод. сп. 1—01 Новгород. л., 29).

У нас немає сумніву, що поява орудного предикативного замість називного зумовлена тим, що при наявності двох називних відмінків ускладнюється розуміння думки, часто важко визначити який із них підмет, а який присудок. З приводу цього О. О. Потебня писав: «Якщо в галузі зовнішньої органічної природи розмежування органів є удосконаленням і в цьому розумінні удосконаленням життя, то й тут ми повинні бачити удосконалення духовного життя і удосконалення мови» [4, с. 517].

Проаналізовані нами окремі форми дієприкметників, визначені причини, що зумовили появу орудного предикативного, як і ряд інших фактів, повною мірою підтверджують думку О. О. Потебні, що «явища ці при всій своїй різноманітності мають те спільне, що становить результат тяжіння до диференціювання членів речення» [4, с. 132].

Але наукову цінність спадщини О. О. Потебні не можна обмежити тільки її власне граматичним змістом. Вона являє собою посутній вклад у розробку ширшої проблеми спільності слов'янських мов, і тим саме проблеми історичної єдності слов'янських народів. Ця єдність виявляється у глибоко розкритій О. О. Потебнею історичній спільності слов'янської мовної структури.

Список літератури: 1. *Ленін В. І.* Про пролетарську культуру. — Повне збір. тв., т. 41, с. 320—321. 2. *Мельничук О. С.* Розвиток структури слов'янського речення. — К.: Наук. думка, 1966. — 324 с. 3. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. — Х., 1905. — 180 с. 4. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 1—2.—М., 1958. 5. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 3. — М., 1968. — 552 с. 6. Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 4. — Х., 1892. — 160 с. 7. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklosich, Vierter Band, Syntax, Wien, 1883. — 640 S.* 4. *Miklosich F. Gronikon Nestoris. Wien, 1860. — 48 S.* 9. *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. — Спб., 1887. — 220 с. 10. *Булаховский А. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. — Х., 1937. — 120 с. 11. О. О. Потебня і деякі питання сучасної словістики. — Х., 1962. — 364 с.

Г. И. ШКЛЯРЕВСКИЙ, канд. филол. наук

И. С. РИЖСКИЙ (У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)

Харьковский университет — одно из старейших высших учебных заведений, созданных на территории России и Украины. Первый русский университет был открыт в 1755 г. в Москве, в 1803 г. —

Дерптский (ныне Тартуский), в 1804 г. — основан Казанский, а в 1805 г. открыл свои двери Харьковский университет.

Уставом 1804 г. в составе Харьковского университета утверждалось 4 отделения и в их числе отделение словесных наук с кафедрами красноречия, стихотворства и русского языка; истории, географии и статистики Российского государства; греческого языка и словесности; латинского языка и древностей; всемирной истории, географии и статистики и восточных языков.

Начало изучению русского языка в Харьковском университете было положено на кафедре «красноречия, стихотворства и языка российского», которая с первого учебного года возглавлялась его ректором, известным «в русской литературе своими трудами по части теории словесных наук» [10, с. 31], профессором российской словесности Иваном Степановичем Рижским (1761—1811 гг.).

И. С. Рижский родился в г. Риге в семье священника, обучался в Псковской семинарии, а затем в семинарии Троицко-Сергиевской Лавры, в которой впоследствии был наставником и учителем риторики, поэзии, истории, римской древности и философии. В 1785 г. И. С. Рижский переезжает в Петербург и работает учителем в кадетском Горном корпусе, преподает его воспитанникам латинский язык, историю, географию, риторику, логику, руководит переводом с французского языка на русский книг по горному делу. За это время он написал и издал «два сделавшихся знаменитыми руководства, признанные в свое время классическими, и по которым училось в разных учебных заведениях несколько поколений, а именно «Логика» и «Риторика» [1, с. 193].

В 1802 г. И. С. Рижского избрали членом Российской Академии наук. В течение шести лет он был ректором Харьковского университета. Сочинения И. С. Рижского долгое время служили руководством при чтении лекций в Харьковском, Казанском и Московском университетах. М. Пархоменко в статье «Традиции и заветы советского литературоведения», посвященной 250-летию Академии наук СССР, пишет: «Подлинной масштабностью теоретических обобщений отличалась книга академика И. Рижского «Наука стихотворства» и еще более — его же «Введение в круг словесности», как бы соединившее в себе теорию литературы и эстетику» [5, с. 4—5]. «Равного ему, — писал об этом труде известный историк Д. Багалей уже в конце XIX века, — по значению для своего времени русская литература не имеет доселе» [2, с. 644]. Эта высокая оценка с неменьшим основанием может быть отнесена и к его деятельности исследователя русского языка, достоинства которого он так горячо подчеркивал в своих лекциях, ратуя за чистоту нашей родной речи, борясь с галломанией вообще, галлицизмами, уродующими русский язык, в частности: «... можно ли выразить на французском

щебетнике, что выражается сильным, точным, метким, благозвучным славянским языком» [1, с. 194].

Как известно, науки о русском языке как самостоятельно преподававшейся филологической дисциплины в то время еще не существовало, и ряд лингвистических и родственных, в частности литературоведческих, дисциплин еще не выкристаллизовались из сложного конгломерата, который носил наименование «словесность». В этой обширной области, вмещавшей в себя гуманитарные дисциплины, от разделов философии и эстетики, имеющих непосредственное отношение к филологии, до частных вопросов стихосложения и грамматики, и протекала научная и преподавательская деятельность И. С. Рижского. В «Извещениях о публичных преподаваниях, имеющих быть в... Харьковском университете в течение 1805 года», было объявлено: «Красноречия, стиховорства и языка российского профессор Иван Рижский по средам и пятницам от 8 до 10 часов утра, на российском языке, предложив общие понятия об изложенных науках, краткую историю и преимущественные свойства слова человеческого, *с применением к российскому языку* (курсив наш. — Г. Ш.) будет преподавать по книге его сочинения «Опыт риторики» [3, с. 1]. Характер интересовавших И. С. Рижского философских, эстетических и филологических проблем: философия и эстетика «словесности», вопросы языковедения, истории языка, стилистики, лексикологии и грамматики современного русского языка, — т. е. языка конца XVIII — начала XIX в., лингвостилистики, — предопределили то положение, что его деятельность фактически явилась началом изучения русского языка в университете. Содержание его трудов и лекций предопределило возможность развития в будущем многих отраслей русистики во всем многообразии ее проблем и вопросов, органически связывающих ее с родственными лингвистическими дисциплинами.

Взгляды И. С. Рижского на общие проблемы науки о языке и литературе и частные лингвистические вопросы базируются на его философских и эстетических воззрениях — рационалиста, приверженца «основательного любомудрия» (так себя именovali русские рационалисты 1800—1810-х гг.) [9, с. 36]. В работах И. С. Рижского и его соратников и современников (В. М. Перевозчиков, П. А. Сохацкий, Н. М. Яновский, Л. Г. Якоб) совершался процесс становления эстетики, в том числе и эстетики слова, как «философии вкуса», как науки, «которая изъясняет существо изящного и вкуса» [6, с. 4]. Он полагал, что эстетическая наука должна строиться на опытном знании, на исследовании объективных свойств ее предмета [9, с. 38]. Рационализм в философии и эстетике, широкое знакомство с зарубежной наукой, в частности, с работами Дидро, с одной стороны, влияние филологических исследований Ломоносова и взглядов Карамзина на задачи литературы и искусства, с другой, предопределили

оригинальность, своеобразие воззрений И. С. Рижского на вопросы словесности вообще, лингвистики в частности. В теоретическом отношении наибольший интерес представляет «Введение в круг словесности», где И. Рижский излагает свои взгляды на вопросы, входящие в наше время в круг проблем общего языкознания и литературоведения, ставящиеся и решаемые автором чаще всего на материале отечественного языка и литературы. Рассматривая вопрос о связи мышления, чувств и языка, он подчеркивает: «Чем яснее и подробнее представляем себе изящное какого-нибудь рода, тем сильнее бывает в нас его впечатление и, следовательно, тем живее можем изобразить его словом» [6, с. 5, 14]. Связь человеческой речи с объективным миром, окружающим человека и служащим содержанием высказываний, достаточно четко определяется следующим замечанием автора: «...Поелику всякое изображение имеет своим началом или источником изображаемую вещь, то ход нашего слова во всех своих периодах совершенно соразмерен ходу наших мыслей» [6, с. 23]. Для С. И. Рижского ясна великая роль языка в жизни человека, выполняемая им функция общения не только в современном ему обществе, но и между поколениями. Он вспоминает слова «Дидерота» (Дидро) о «соединении» (связи) понятий со словами, слов с письмом, что и обеспечивает выполнение языком функций общения и делает невозможным положение, когда «... то бы все оставалось сокровенным и умирало внутри человека» [6, с. 16]. Отсюда и убеждения И. С. Рижского о важности изучения родного языка каждым членом общества, каждым гражданином: «...знать исправно и правильно свой язык есть один из первых и существенных предметов благонамеренного воспитания гражданина» [6, с. 17]. Стихийно-материалистические взгляды И. С. Рижского на ряд вопросов происхождения и развития языка обусловили его заключения о тесной связи истории народа, его жизни, его особенностей с развитием культуры, развитием языка. Он пишет: «Являющиеся по временам отличные умы, распространяя между своими современниками новые понятия в рассуждении богопознания и обрядов веры, нравов, правления, законов, промышленности, войны, домашних упражнений и проч. тем самым вводят весьма много нового в их язык» [6, с. 31]. И. С. Рижский говорит об отражении в словарном составе языка исторических событий, об изменениях в языке под влиянием экстралингвистических факторов. Наиболее полно и доказательно роль внеязыковых факторов в развитии языка И. С. Рижский показывает в § 15 «Об изменениях языков от взаимного народов сообщения», где прослеживаются такие пути пополнения словарного состава русского языка иноязычными словами и выражениями, как путешествия, торговля, завоевания. Он считает закономерным появление заимствований, основанных «на здравом рассуждении» единство по причине недостатка в нем (родном языке. —

Г. Ш.) «сознаменательных и равносильных» (слов. — Г. Ш.), но и напоминает читателю, что «безрассудно презирать свое собственное, когда оно не уступает ни в чем чужому» [6, с. 36—41]. Интересно, что И. С. Рижский предлагает читателю, как впоследствии и А. С. Пушкин в полусуфливых строках «Евгения Онегина», прежде чем вводить в свой язык чужое слово, попытаться найти ему замену в языке старославянском — источнике (по мнению ученого) языка русского.

Достаточно ценным для своего времени трудом И. С. Рижского является «Опыт риторики» [7], органически связанный с «Риторикой» Ломоносова и его учением о «трех штилях», но в весьма своеобразном переплетении с новыми идеями сентиментализма, с усиленным вниманием к проблеме «вкуса» (§ 212) и воспитания «чувствительности». Влияние нового карамзинского взгляда на задачи литературы продиктовало И. Рижскому новый, несколько отличный от ломоносовского, взгляд на задачи и содержание красноречия. Если для Ломоносова «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» [4, с. 91], то И. С. Рижский призывает оратора «силою слова проникать в *душу* других, повелевать их умами, *растрогать их чувствительность* (курсив наш.—Г. Ш.) разительным изображением нравственного, восхитить их воображение живейшим выражением естественного изящества...» [7, с. 5]. Этой задаче подчинена практическая сторона учебного пособия, тот иллюстративный материал из русской литературы и образцы красноречия античного мира и современной автору Франции, предложенные в переводах и анализируемые автором в качестве образцов ораторского искусства. Вслед за Ломоносовым И. Рижский подробно останавливается на всех сторонах ораторской речи, размышляет над проблемой чистоты русского языка (§ 143), рассматривает вопрос о его благозвучности. Его интересует порядок слов в различных по содержанию и целевой установке предложениях, построение периодов и все вопросы, возникающие при оформлении мысли одним из трех слогов, который «должен отвечать намерению сочинения» [7, с. 312].

Во взглядах И. С. Рижского на разделение русской речи на слог мы видим существенное различие в его понимании слога по сравнению с учением о трех стилях Ломоносова. Он выделяет низший или простой слог, который «... есть такое просторечие, которое, по-видимому, весьма мало различно от повседневного разговора. Естественная простота, тонкая замысловатость, нередко нежность составляет главное его совершенство» [7, с. 315].

Ученым выделяется также слог посредственный, или отраторский, и слог высокий, которым излагаются сочинения, «коих содержание бывает или весьма высокая мысль, или сильная страсть, или героическое действие» [7, с. 347]. В определении «высокого» как отличительной черты содержания и формы

И. С. Рижский особое внимание уделяет содержанию, в частности семантике слов. «...Не нежность и сладость речи, не блеск и величие украшений, но самое простое, не имеющее даже признаков витийственного искусства слово есть язык высокого» [7, с. 352]. В «Опыте риторики» можно найти много тонких и интересных наблюдений и выводов, связанных с различными языковыми и стилистическими фактами. Так, например, И. С. Рижский вполне справедливо рассуждает о пользе переводов с иностранных языков для совершенствования красноречия и знания языка, высказывает мысли о целесообразности образования и распространения неологизмов, которые должны заполнять смысловую брешь в словарном составе русского языка, а не дублировать существующую лексическую форму [7, с. 253, 385].

Важное место среди учебной литературы филологов начала XIX века занимала книга И. С. Рижского «Наука стихотворства» (1811 г.). Она была одним из наиболее популярных систематизированных и полных курсов теории поэзии на русском языке и с иллюстративным материалом преимущественно из отечественной литературы. До этой книги наибольшей известностью пользовались трактаты Буало и Батте и отечественные работы: «Правила пиитические Аполлона Байбакова» и «Эпистола о стихотворстве» А. Сумарокова. В «Науке стихотворства» автор синтезирует многие положения М. В. Ломоносова и взгляды Н. М. Карамзина на литературу и вообще искусство слова, как на главные орудия воспитания в человеке чувствительности. Он внушает читателю мысль о необходимости серьезного изучения языка на всех его уровнях, во всех видах. Только полное овладение русским языком во всей его многогранности может быть гарантией поэтической удачи. И. С. Рижский, в отличие от своих предшественников, в литературе выделяет не два рода (эпические и драматические) произведений, а пять (эпические стихотворения, эпические поэмы, лирические стихотворения, поучительные стихотворения и драматические стихотворения) с различными жанрами в каждом роде. Каждому роду, по его мнению, соответствует своя «степень языка». Как можно судить по иллюстративному материалу и теоретическим рассуждениям автора, «степень языка» — это своеобразная модификация «штилей» Ломоносова, трансформировавшаяся под воздействием тех перемен и процессов, которые происходили в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв. и в ее языке. Если Ломоносов еще в 1758 г. устанавливал зависимость между «материей», т. е. темой, предметом изложения, жанром и стилем, то И. С. Рижский через полстолетие уже достаточно четко говорит о содержании произведения как категории, диктующей особенности слога поэта [8, с. 140—141].

Развитие в конце XVIII — начале XIX в. в русской драматургии, ставшей более многожанровой, нежели в эпоху

Ломоносова, выдвинуло и новые проблемы перед драматургами-практиками и теоретиками-филологами.

Если Ломоносов счел возможным и достаточным в трактате «Рассуждение о пользе книг церковных в российском языке» указать, что в среднем штиле «писать все театральные сочинения» (кроме комедий) и соблюдать в них гармонию стиля, то И. С. Рижского уже интересует проблема дифференциации языка действующих лиц по разным признакам и характерным особенностям, которые их прототипы могут иметь в жизни, в реальной действительности, т. е. ученый в основу своих рассуждений положил один из основных вопросов художественного мастерства драматурга, вопрос, значение которого остается существенным и в наше время [8, с. 326].

Современный читатель не может не обратить внимание и на то, что автор «Науки стиховорства» продолжает на новом этапе традицию М. В. Ломоносова, подчеркивая необходимость серьезного изучения русского языка (§ 31), говорит о различии между публицистическим и научным стилями изложения, с одной стороны, и художественным, поэтическим, с другой. Весьма существенно и то, как И. С. Рижский подхватывает далеко еще не оформившиеся мысли М. В. Ломоносова о том явлении стилистики, которое в наши дни получило наименование «функциональных стилей», и пытается выяснить, чем отличается язык стихотворца, поэта от языка оратора, ученого [8, с. 181].

Рассмотренные работы И. С. Рижского, конечно, прежде всего интересны с исторической точки зрения как одна из ступеней развития отечественной филологии вообще, филологии в Харьковском университете в частности, его учебные пособия сыграли важную роль и как самые полные и самые обстоятельные из существовавших в то время на русском языке курсов теории словесности, и как произведения, имеющие не только учебно-прикладную, но и значительную научную и теоретическую ценность.

Список литературы: 1. Азанчевский В., Рижский И. С. Русский биографический словарь, т. 16. — Спб., 1913. — 436 с. 2. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета, т. 1. — Харьков, 1898. — 1204 с. 3. Извещение о публичных преподаваниях имеющих быть в... Харьковском университете. — М., 1805. — 42 с. 4. Ломоносов М. В. Собр. соч., т. 7. — 996 с. 5. Пархоменко М. Традиции и заветы советского литературоведения. — Вопросы литературы, 1974, № 11, с. 28—49. 6. Рижский И. Введение в круг словесности. — Харьков, 1806. — 112 с. 7. Рижский И. Опыт риторики. — Харьков, 1822. — 414 с. 8. Рижский И. Наука стиховорства. — Спб., 1811. — 338 с. 9. Соболев П. В. У истоков эстетической науки в России. — Филол. науки, 1973, № 2, с. 30—46. 10. Фойгт К. Историко-статистические заметки о Харьковском университете и его заведениях, от основания университета до 1859 года. — Харьков, 1859. — 172 с.

ПОЕТИЧНИЙ ФРАЗЕОЛОГІЗМ У СЛОВЕСНО-ОБРАЗНІЙ СИСТЕМІ

(Постановка питання у зв'язку з концепцією О. О. Потебні)

Значення, зміст, ідея в художній творчості, як переконливо доводив свого часу ще О. О. Потебня, розкривається через образ. Різні для кожного виду мистецтва щодо форми художні образи не є однорідними і в межах окремого твору. Розрізняючись у даному разі структурно, вони разом з тим становлять нерозривну системну єдність. У поезії зовнішнім виявом такої єдності, спільною формою образів є поетична мова. Саме у поетичній мові об'єднуються в систему мовні засоби, які виражають відповідні образи в їх складній взаємодії, де кожен словесно-художній образ того чи іншого твору завжди виступає «естетично організованим структурним елементом стилю» [2, с. 119].

Серед поетичних мовних засобів фразеологія посідає чи не перше місце як щодо вживаності, так і за естетичною значущістю. При цьому слід мати на увазі не тільки фразеологізми загальномовні, що здебільшого змінюються в умовах поетичного контексту, набуваючи нових значень чи відтінків значень, але й такі власне поетичні фразеологічні одиниці, як стійкі описово-метафоричні сполуки, перифрастичні вирази, усталені в поезії даного періоду образно-символічні поєднання тощо. Останні О. М. Веселовський називав «нервовими вузлами» поезії. Даючи загальну характеристику поетичної мови, він писав: «...поетична мова складається з формул, які протягом певного часу викликали певні групи асоціацій... Поза усталеними формами мови не виразити думки, як і рідкі нововведення в галузі поетичної фразеології складаються в її старих кадрах. *Поетичні формули — це нервові вузли* (курсив наш. — В. К.), дотик до яких збуджує в нас ряди певних образів...» [1, с. 376].

Поняття «поетична фразеологія» досить широке, бо охоплює значну кількість матеріалу, який можна розглядати як «поетичні формули». Без докладного, зокрема в синхронному плані, опису того матеріалу наші знання про поетичну мову певного періоду будуть далеко не повними. Питома вага поетичних фразеологізмів у створенні стилю епохи, як свідчать дослідники, дуже велика [8]. Тому однаково актуальними й важливими нам видаються як загальна проблема дослідження поетичної фразеології, що включає передусім з'ясування образної основи відповідних мовних одиниць, окреслення кола означуваних даним образом реалій і понять, а також аналіз способів словесного вираження художнього змісту, так і теоретичні питання, спрямовані на розв'язання тієї загальної проблеми, зокрема й питання

про місце поетичного фразеологізму у такій злютованій словесно-образній системі, якою є поетичний твір.

Увага до сталих поетичних словосполук як структурних елементів стилю і носіїв образності тісно пов'язана у вітчизняній поетиці з іменем О. О. Потебні, хоч, як відомо, термін «поетичний фразеологізм» у нього не зустрічається. Розглядаючи співвідношення логічного і естетичного у поетичних фразеологізмах (за його термінологією — поетичних виразах), Потебня особливо підкреслював їх неподільність. «Поняття вартості виразу, його краси, — писав він, — тотожні з його відповідністю думці, його необхідністю. Мотиви естетичні й логічні (цілі пізнання) тут неподільні» [5, с. 204]. Потебні належить і принципово важливе для розуміння явищ поетичної фразеологізації положення про те, що образність окремих слів і постійних їх сполучень є незначною «порівняно зі здатністю мов створювати образи з поєднання слів, однаково, образних чи безобразних» [5, с. 104]. Наведене положення у працях Потебні ілюструється великим мовним матеріалом.

У числі поетичних фразеологізмів значну групу складають описово-метафоричні вирази. Метафора, на думку Потебні, не безцільна гра у перенесення відомих назв, а серйозний пошук істини. Звичайно, не кожна метафора є поетичним фразеологізмом. Фразеологічними, очевидно, слід вважати словосполучення метафоричного типу, які вийшли за межі стилю поезії одного автора або послужили моделлю для створення подібних виразів, близьких не тільки формою, а й змістом. Фразеологізм, який виникає з поетичної метафори, поетичного порівняння чи парного сполучення слів з метафоричним епітетом (означуване слово тут втрачає конкретність), зберігає у своїй семантиці образність і емоційне забарвлення. У такому фразеологічному виразі тісно взаємодіють семантично-асоціативні поля незвичайно поєднаних слів, а експресія та образність є його основними характеристиками. Лаконічна словесна форма фразеологізованої метафори передає нерозкладне враження, що склалось у свідомості поета, і водночас спрямовує асоціативні уявлення того, хто сприймає поезію. У працях з поетики, зокрема у спеціальному розділі «Тропи і фігури» з роботи, відомої під назвою «Із записок по теорії словесності», Потебня докладно аналізує способи й види перенесення значень, які породжують метафоричний — і далі фразеологічний — вислів. Переносні значення на основі їх переміщення від роду до виду і навпаки (синекдоха), від виду до виду (метонімія) чи за схожістю (власне метафора) — все це, за Потебнею, засвідчує напрямок пізнання від раніше пізаного до невідомого. Так, унаслідок творчого пошуку, при чисто поетичному мисленні встановлюються відношення, як, наприклад, у пушкінському «капля жалости» — метафоричному виразі, що його розглядає Потебня. До метафоричних словосполучень, що більшою чи меншою мірою фразеологізувалися, слід віднести на-

ведені там же українські народнопоетичні вирази: «на рушничок стати», «білу руку дати», «виплакати карі очі», «ясний-красний» (Ой *ясна-красна* в лузі калина, А *ясній-красній* Оріся в батька) та подібні.

Джерелом поетичної фразеології, як уже було сказано, можуть бути також перифрази та близькі до них образно-символічні вислови. Перифраза являє собою опис предмета чи явища з виділенням, підкресленням найбільш характерної риси образу (описуваного). Потебня розглядає такого типу вираз «голова козацька», поширений у фольклорі («*Голово моя козацькая!* Бувала ти у землях турецьких, у вірах бусурманських, А тепер припало на безвідді на безхліб'ї погибати»). Паралельно розглядаються також загальнономовні фразеологізми: *тьма тьмуца*, *кури не клюють*, рос. *трын-трава* та ін. У пов'язаних з перифразою символічно-образних структурах символічне слово перетворюється в оцінну одиницю, завдяки чому загальна семантика виразу віддаляється від конкретних значень його компонентів, тобто дане словосполучення фразеологізується (наприклад, традиційне поетичне *вогонь любові* із значенням «сильне, жагуче почуття»). З явищами поетичної фразеологізації пов'язана і розглядувана Потебнею антономасія — натяк, посилення на відоме з поезії. «Умови поетичності й доречності антономасії, — зауважує Потебня, — полягають у тому, щоб вона і для того, хто говорить, і для того, хто слухає, була зрозуміла, тобто легко заміщала конкретним образом складні ряди думок. У противному разі вона стає пишномовністю, риторичністю в гіршому значенні слова» [5, с. 226]. Антономасія (і на лексичному, і на фразеологічному рівні) — один з моментів впливу літературних типів на мову і життя. Цей вплив можна простежити на матеріалі поетичної фразеології в цілому.

Питання про віднесення поетичних фразеологізмів (за семантичною класифікацією В. В. Виноградова — здебільшого «фразеологічних сполучень») до складу фразеології в сучасному лінгвістичному розумінні досі лишається відкритим. Справа в тому, що такі поетичні сполуки (частіше метафоричного типу) постають на ґрунті суб'єктивних асоціацій, їм властивий ситуативний характер, вони актуальні переважно як знаки образних уявлень у межах тексту даного твору [10]. У поетичному словосполученні, проте, нерідко проходять процеси, які сприяють тому, що вживання одного з слів у ньому поступається місцем перед значенням. Якщо якісний зсув при цьому характеризує не тільки вказаний компонент, але й усю сполуку, то можна говорити про появу власне поетичного фразеологізму. Фразеологічно зв'язані значення складників такого виразу підпорядковуються загальному образному змістові, ніби розчиняються в ньому. Будучи належними в основному до явищ мовлення, а не мови, поетичні фразеологізми своєрідно демонструють процес фразеологізації як такий, наочно показують один із шляхів переходу мовленнєвих

засобів у мовні. Цими обставинами, напевнено, пояснюється той факт, що і в спеціальних працях, присвячених дослідженню семантики фразеологічних зворотів, поетична фразеологія залишається поза увагою навіть при розгляді фразеологізмів з оцінювальним значенням [3]. В узагальнюючих же працях, зокрема з фразеології сучасної української мови, поетичні фразеологізми, особливо фольклорного походження, виділяються в окрему групу і загалом характеризуються, в основному з стилістичного погляду [9]. Фразеологізація словосполучень у поетичній мові справді тісно пов'язана з стилістикою, вона зумовлена потребою вдосконалення, розширення і збагачення образних засобів. Однак більш пильної уваги з боку дослідників заслуговує саме переносна фразеологічна семантика, що з'являється внаслідок часткової чи повної втрати лексичного значення слова — компонентами поетичного виразу.

Відзначаючи недослідженість проблеми, ми далекі від думки, ніби поетична фразеологія як об'єкт дослідження зовсім випала з поля зору радянських мовознавців. Так, традиційна російська поетична фразеологія, що склалась на середину XIX ст., описана у працях В. В. Виноградова, О. Д. Григор'євої, Н. М. Іванової, у Словнику Пушкіна. Якоюсь мірою вивчається і українська поетична фразеологія, здебільшого на рівні індивідуального стилю. Можна в цьому плані назвати статті про мову і стиль окремих авторів, словники мови письменників, передусім Словник Шевченка. Вживані в сучасній літературній мові українські поетичні фразеологізми відбиті у спеціальних збірниках відповідних засобів [4]. Можна зробити загальний висновок, що більш-менш повно описано метафоричні, перифрастичні та символічні позначення поетично відтворених явищ пушкінської доби. Однак теоретична нечіткість самого поняття поетичної фразеології, невизначеність структурних і семантичних властивостей стійких поетичних виразів, нез'ясованість взаємодії цих одиниць з іншими структурними елементами поетичного мовлення дається взнаки на загальному рівні фразеологічних досліджень. Тому, без сумніву, на порі широкі дослідження фразеологічного фонду, який одержала та чи інша епоха, у першу чергу наша, радянська, від попередніх традицій, розгляд шляхів, способів і прийомів трансформації того матеріалу, аналіз ролі індивідуальних новотворів фразеологічного типу у складному процесі становлення нової поезики. Зафіксовано ж, для прикладу, у збірнику А. П. Коваль і В. В. Коптілова 22 поетичні вислови Павла Тичини [4], серед яких, звичайно, є і поетичні фразеологізми у поданому тут розумінні. А такий Тичинин вираз, як «чуття єдиної родини», гадаємо, поступово втрачає зв'язок з поетичним контекстом і з індивідуального мовного факту переходить до явищ загальнономовних. Усі ці процеси і явища досі ще чекають на своїх дослідників.

Наша спроба з'ясувати системні зв'язки поетичного фразеологізму з іншими мовними засобами поезії спирається на потеб-

нянське розуміння словесно-художнього образу. В образній системі поетичного твору індивідуально-авторські фразеологічні вирази, а також традиційні усталені поетичні словосполучення, характерні для стилю певного періоду в розвитку літературної мови, є органічним структурним елементом. Як засіб вираження вторинних, похідних образів, вони є складнішими порівняно зі словом утвореннями. У той же час поетичні фразеологізми є компонентами відповідних вищих одиниць поетичної мови, що в свою чергу входять як елементи в картину вражень, характерів, ситуативних відношень ширшого, узагальнюючого плану [6; 7]. Разом з поетичною лексикою фразеологічні одиниці поетичного походження і образнопоетичного значення об'єднуються в загальну систему поетичних засобів, систему, що виходить за межі окремого твору і базується на відповідних системах того чи іншого автора, напрямку, творчого методу і т. д. Значущі і виразні вже самі собою, поетичні фразеологізми і в образній системі окремого твору, і в загальній системі засобів поетичної мови відбивають результат їх взаємодії з іншими засобами.

Поза сумнівами, що у поетичному фразеологізмі, як і в повному поетичному тексті, не тільки потенційно, а й необхідно закладено (саме *закладено*) кілька інтерпретацій, у деталях залежних від сприймаючого поезію. Власне наближення до того «необхідно закладеного» і має визначати напрямок досліджень поетичної фразеології — надзвичайно важливого складового елементу поетичної мови як у системі окремого твору, так і в загальній системі поетичномовних засобів.

Список літератури: 1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика.—Л., 1940—646 с. 2. *Виноградов В. В.* Стилистика/Теория поэтической речи/Поэтика. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 254 с. 3. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. — М.: Просвещение, 1978. — 160 с. 4. *Коваль А. П., Коптілов В. В.* Крилаті вислови в українській літературній мові, вид. 2-е, доп. — К., 1975. — 335 с. 5. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905. — 649 с. 6. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. — Харьков, 1894. — 162 с. 7. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. — 616 с. 8. Поэтическая фразеология Пушкина. — М.: Наука, 1969. — 389 с. 9. Сучасна українська літературна мова/Лексика і фразеологія/За заг. ред. І. К. Білодіда. — К.: Наук. думка, 1963. — 438 с.; Сучасна українська літературна мова/Стилистика/За заг. ред. І. К. Білодіда.—К.: Наук. думка, 1973.—588 с. 10. *Федоров А. И.* Фразеологизм как экспрессивно-стилистическая единица языка. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 12. — Изд-во Саратовск. ун-та, 1977, с. 17—27.

Е. Ф. ШИРОКОРАД, канд. філол. наук

ИМЕНА СОБИРАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ОСВЕЩЕНИИ А. А. ПОТЕБНИ

Специально существительные с собирательным значением рассматриваются А. А. Потебней в главе «Предполагают ли существительные имена качества значение собирательности?»

3 тома «Из записок по русской грамматике». Данные о собирательных именах содержатся и в других разделах главы «Атрибутивность существительного» [8]. Под влиянием идей А. А. Потебни, его наблюдений по поводу указанной семантической категории находится теоретическая разработка и практическое исследование славянских языков в этой области. Тем не менее и сейчас еще нельзя утверждать, что все, высказанное им о собирательных именах, стало достоянием исследовательской мысли.

В настоящей статье мы рассмотрим учение А. А. Потебни о собирательном значении имен и особенностях его развития, которые, как представляется, до конца не раскрыты.

В лингвистической литературе отмечается, что вопрос о соотношении качественного (отвлеченного) и собирательного значений в именах существительных в диахроническом плане решался А. А. Потебней в том смысле, что качественное значение предшествует собирательному, а не наоборот (как думал М. Мюллер, которому А. А. Потебня возражает). Обычно в этих случаях приводится следующее положение А. А. Потебни: «Т. о., явления слав. и др. языков, как кажется, склоняют к мнению, что собирательность происходит от качественности, а не наоборот» [8, с. 35]. Следует подчеркнуть, что это утверждение относится к тому периоду развития славянских языков, когда обе категории фактически существуют, и не связывается А. А. Потебней специально с вопросом о генезисе собирательных имен. Данное мнение основано на разборе широко привлекаемых им фактов славянских языков, в первую очередь русского, украинского, польского, из древних славянских — древнерусского. Оно стало основополагающим для ряда исследований и получило широкое подтверждение [1]. Вывод А. А. Потебни в имеющихся исследованиях распространяется на производные имена существительные с суффиксальными основами, с живым или сравнительно легко восстанавливаемым отвлеченным значением (типа русс. *каза́чество*). По отношению к именам существительным конкретным, собирательную семантику которых в научной литературе принято определять как «вторичную», не отмеченную специальным суффиксом (ср.: др-рус. *плодѣ многѣ*; *гость Псковскій полпятдесять мужь* и под), оно не применяется. Не изучены в этом плане и категории производных имен существительных, специализирующихся в собирательном значении (типа др-рус. *тополие*, *братия*, укр. *осичина* «осины» и др.). Между тем сделанное А. А. Потебней наблюдение имеет характер общей закономерности: собирательное значение имени связано с его качественным значением в любом типе основ, производном и непроизводном (уже в праславянском языке не было ни одного непроизводного имени [7]). Отмечая установленную связь между двумя значениями — качественным (отвлеченным, понятийным) и собирательным (конкретным, денотативным), обращаем внимание на *внутреннее содержание* этой связи, на *условия* и *характер*

образования собирательного значения в именах, вытекающие из приводимых А. А. Потебней фактов, его наблюдений и рассуждений. Показывая относительную первичность значения качества и привлекая для этого широкий круг имен, он на первое место ставит не существительные, обнаруживающие оба значения — качественное и собирательное — и в которых первое отмечено специальным суффиксом (типа *человечество, пехота, служба, молодежь* и пр.), а конкретные существительные, собирательное значение которых не имеет в слове специального выражения (*человек, купец, гость, боец* и т. п.). Ср.: «...О происхождении собирательности в именах, которые история застаёт уже с этим значением, исключая возможность применить их к одной особи (например, ст.: *Русь, чадь, дѣть*), а равно о происхождении собирательности в именах со значением и качественности и собирательности следует судить по тем случаям, когда собирательность не связана с таким-то суффиксом и когда она возникает, так сказать, на наших глазах... Таковы обычные в славянском языке и др. случаях, когда един. число сущ. конкретного, т. е. с субстанцией, которая не стала мнимой и для современной нам мысли, является образом сплошного множества: «привалила *птица* к круту берегу» (Др.-рус. стих., Бусл., Ист. гр., § 219, 1, прим. 1 [8, с. 25]). Очень важным представляется тот факт, что значение существительных, употребляющихся *подобным* образом, А. А. Потебня не называет собирательным. Это случай, показывающий «возникновение» собирательности, но еще не самое собирательность. Ср.: Нельзя сказать, что употребленные так имена един. числа, как «муха, рыба, лист», «Турок» («ходить под Турку») рассматриваются как собирательные [Мікл, 1, с. 45]. Они еще *явственно отличаются* от собирательных (например, разница между... Акс.: нападало «листу» и «листья»), *иногда* переходят в них, что тогда и сказывается их сочетанием со множ. числом (ст.-рус. «Черный Клобукъ... ѣхаша» (курсив наш. — Е. Ш.) [8, с. 25]. Приводимые А. А. Потебней многочисленные примеры употребления конкретных существительных в собирательном значении позволяют сделать вывод, что собирательное значение такие имена, особенно названия лица, в указанных и других синтаксических условиях развивают довольно часто.

В связи с поставленной задачей интерес привлекают те случаи употребления конкретных имен, которые еще не могут рассматриваться как собирательные, хотя в форме един. числа они и символизируют «сплошное множество». Среди приведенных А. А. Потебней таким является «ходить под Турку», где словоформа «под Турку» означает не «множество турков», а «турок», в отличие от «швед», «немец» и т. п. (Вряд ли такого же типа приводимые В. А. Потебней «привалила *птица* к круту берегу», где *птица* Ф. И. Буслаев объясняет как «много птиц» [4, с. 414], или «нападало листу» и под. с выраженным количественным

значением). Характеризуя образ, каким в конкретных именах «получается значение множественности», А. А. Потебня приводит в пример употребление слова *лист*—«*лист сухой валится осенью*» [8, с. 25]. Если здесь «единица» и служит «символом множества», то лишь в том смысле, что она обозначает не «множество листьев» в данной ситуации, а все сухие листья осенью вообще, любой сухой лист осенью, качество «лист». Примечательно разъяснение А. А. Потебни, которое он делает, определяя характер «возникновения» собирательности в конкретном имени: «Это — *синекдоха*, если под этим словом не разуместь *сознательного выбора* единицы из множества» (курсив наш. — Е. Ш.) [8, с. 25]. В разделе «Тропы и фигуры» «Из записок по теории словесности» А. А. Потебни находим рассматриваемый случай также как один из примеров синекдохи: «1. Часть вмѣсто цѣлаго, однородное множество представлено единственным числом имени конкретного», иллюстрируемый примерами «*chlop strzele, a pan Bóg Kule posi*» и т. п. пословицы образца «человѣкъ располагает» и проч.» [9, с. 218]. В приведенных случаях имена *chlop*, *человѣкъ* лишены референтной отнесенности и выступают в обобщенном, качественном значении: «*chlop* вообще, любой, все», «человѣкъ вообще; любой, все люди». Во всех разобранных случаях имя не имеет собирательного значения, как не является оно и конкретным, употребляясь безотносительно к референту (денотату). Эти случаи представляют, таким образом, употребление имен нарицательных в отвлеченно-качественном значении.

В основе образа сплошного множества (=однородного множества), возникающего синекдохически, не «чистые» отношения единицы и множества т. е. количественные отношения как таковые (ср. ед. и множ. число). Здесь другое явление: единица (слово в ед. числе) представляет качество, которое принадлежит и всему множеству, и единице множества, выражает «родовое значение слова» (по терминологии А. А. Потебни) [8, с. 16]. В соответствии с характеристикой конкретных имен как бифункциональных [2, с. 326—356] имя в таком употреблении можно рассматривать как предикатное (а не идентифицирующее). Здесь выступает значение, определяемое некоторыми авторами как «обобщенно-собирательное», но которое точнее было бы определять как «обобщенно-качественное». Из двух планов содержания конкретного имени — денотативного (предметного) и сигнификативного (понятийного) — в данном случае проявляется второе. Для «перехода» понятийного (качественного) значения в собирательное необходима новая конкретизация, что и происходит в случаях употребления имени по отношению к совокупности предметов, реальной, действительной, а не потенциальной, мнимой.

Объективным выводом из данных А. А. Потебни для разъяснения пути развития собирательности в конкретных именах сле-

дует: конкретное имя развивает собирательное значение через значение качества; собирательное значение — производное от качественного, а не конкретного (денотативного) значения (ср. образование *формы* множ. числа). Вполне определенно это наблюдение сформулировано применительно к именам отвлеченным с производной основой: «Чтобы *качественность* могла перейти в *собирательность*, нужно применение имени качества ко многим однородным особям, которые должны быть действительными, а не мнимыми субстанциями» (курсив наш. — Е. Ш.) [8, с. 32]. Оясняя в дальнейшем связь качественного и собирательного значений в именах отвлеченных, А. А. Потебня подчеркивает отсутствие действительной субстанции в первом случае и наличие ее во втором. Ср.: «...*Мужьчина*, польск.-узпа-: а) свойство того, кто *мужьскъ*...; б) собирает. ж. р. *мужчины*...» [8, с. 29—30]; «Первообразное прилагательное принимается за сущ., т. е. берется вместе с определению субстанцией, к коей относится: ...отсюда некоторые имена, сохраняя это значение, если применяются ко многим особям, получают собирательное значение. В вр. и русск. литер. это довольно редко (*духовенство*, *человечество* отлично от кач. *человечность*); в мр. чаще: Мр. *парубоцтво* а) свойство, состояни парубка, неженатого (там *парубоцтво* здае, свад. п.; б) собирает. усе *парубоцтво*...» [8, с. 31]. «Пехота (рус., польск., чеш.) в значении пешего войска предполагает «пѣшесть» [8, с. 33] и т. п.

В разбираемой главе, представляющей собой «записки», изданные посмертно, имеются места, как будто противоречащие общей идее А. А. Потебни. Можно думать, что он допускает возможность развития собирательности из единичности, точнее, из качественного значения, отражающего свойства одного предмета, одного лица, а не свойства (о) рода, множества (класса). Отвлеченное значение слова *женщина* объясняется им как «свойство одной женской особи», или: «Т. о., имена собирательные на -ина от -ьск, как *барщина*, *деревенщина*... могут значить первоначально *нечто одно* (но жен. р.) *барское* и пр.» [8, с. 29]. Как видно из приведенного, А. А. Потебня акцентирует внимание на «женском роде» таких имен, обозначающих свойство, что свидетельствует о различении им употребления существительных в сингулятивном и качественном значениях. Ср. также: «Не восходит ли собирательное значение суфф. -ина (-изна) к значению единичности с *особым оттенком*, зависящим от жен. рода?» (курсив наш. — Е. Ш.) [8, с. 29]. «Единичность» существительного *мужьчина* объясняется А. А. Потебней вообще через прилагательное — «а) свойство того, что *мужьскъ*» [с. 29]. Приведенные А. А. Потебней существительные: *женщина*, *мужчина*, *деревенщина* и др. — производные прилагательных с суфф. -ск-(-ьск-) [или сущ.? Ср. др.-рус. дѣтскъ «ребенок»], а потому в первом своем значении являются именами качества. Ср., например, в др.-рус. языке: *женьскый* «женский» (свойство): Нѣсть на

земли болши женьския злобы. Сл. Дан. Зат. — и *женщина* «женское свойство»: Азъ есть женщина. Хроногр. XVI, 189 [12; т. 1, с. 860].

На первичность качественного значения в именах на *-ина*, производных от прилагательных с суфф. *-ск-*, указывают данные, касающиеся слов, которые приводит А. А. Потебня: *барщина*, «все барское вообще» [5, т. 1, с. 49]; *деревенищина* дается в СРНГ [11] с пометой *соби́р.*, но толкуется как «все деревенское вообще» (быт, мода, занятия и т. п.) [11, с. 11]; укр. *паницина* — «барщина», «крепостное состояние» [4, т. 3, с. 94], собирательное значение Б. Гринченко не отмечает; ср. *паньский* — «крепостной, помещичий» (там же); ср. также «*Сельщина*. ж. все, что относится до сельского быта; || поселяне. Да у насъ, в сельщинѣ, такихъ городскихъ причудъ и не знаютъ. Экая сельщина ты, мужикъ» [5, т. 4, с. 172] и т. п. А. А. Потебня иногда допускает развитие собирательности из единичности в именах на *-ина*. Ср.: «Т. с., собирает. издревле *дружина* предполагало бы то значение, которое в мр.: чоловіче мій, дружино моя» [8, с. 29]; или «...В именах *лозина*, польск. *związyna*, нет указания на существование когда-либо значения «качество лозы», «зверство», так что *лозина* с самого начала в значении единичн. как хворостина, и отсюда — собирательном» [8, с. 30]. Однако, допуская возможность развития собирательности из единичности в отдельных словах А. А. Потебня и по отношению к именам на *-ина* говорит о следующей общей закономерности: «Вообще в том отделе имен на *-ина* (реже *-изна*), которому соответствует польское *-изна*, относительно первое и господствующее значение есть сущ. качества» [8, с. 30]. В другом месте своего труда, говоря об атрибутивной функции существительных, он приводит примеры употребления подобных имен, противоречащие указанному допущению и подтверждающие его общую идею. Ср.: «...Дерево (одно) *ясенина*, *дубина* (дерева ясенины молодняку гѣлки порѣзати, Лечебн. XVIII в); (Дерева) *дубины* однолѣток паросток нарѣзати вершков (однолетних побегов дубовых), тоею юшкою [рот] полоскати, ів. 33» [8, с. 121]. Слово *дружина*: «товарищи», «спутники» и др. не имеет прямой, непосредственной связи с *дружина* (укр.) «супруга». Собирательное *дружина* — производное от *другъ* [см. 12, т. 1, с. 729]; ЭССЯ [13, с. 134]; А. М. Селищев [10, с. 66] единичное же *дружина* «супруга» связано словообразованием с именем *друга* «подруга», отмеченным у И. И. Срезневского [12, т. 1, с. 725], как *купчина* — с *купць*, *скопчина* — с *копць* и т. п. Характерно, что в главе «Атрибутивность существительного» слово *дружина* рассматривается в рубрике об определяемом *собирательном отвлеченном* в единств. числе, напр.: Скупи дружину Берендѣк, Ип. лет., 253... [8, с. 117].

В «Материалах» И. И. Срезневского можно найти случаи употребления в качественном значении существительных на *-ие*,

в которых, как пишет А. А. Потебня, «значение качественности совсем заслоняется значением собирательности, так что значение качественности может быть предполагаемо лишь по аналогии» [8, с. 32]. Ср.: От древа глаголемаго *вербие*. Сказ. св. Соф. [12, т. 1, с. 460]; «Тополь — *название дерева*: — Дръво *ягодице...* и кипарис и тополь.. Ис. XVI.19 [12, т. 3, с. 980]; или фигурально в таком примере: Азь семь лоза, в вы рождіе. Іо. XV.5 Остр. ев. [12, т. 3, с. 143]. Одним из наблюдений в области синтаксиса Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карского является случай, когда «собирательное значение имеют и слова отвлеченные». Среди них находим *столье* (огородиш а а съ стопьемъ, 53 об.); *дубье* (...по селамъ дубье подрало, 172 об.); *трупье* [6, с. 62]. Существенно подчеркнуть, что «одно», «единичное» А. А. Потебней не обязательно понимается как сингулятив, как значение единичного конкретного имени. Это может быть и простое обозначение формы единственного числа. Кроме того, «свойство одного (одной)» усматривается им в случаях, когда имя качества употребляется в естественной для него предикатной функции. Примеры показывают, что во всех этих случаях существительное «единичное», в котором развивается собирательность, есть имя качества, функционирующее как предикатное имя в предикативной или атрибутивной функции по отношению к денотату (определяемому) в количестве «один». Ср.: «Вр. *родня* — собират. *родственники* и один родственник (*он мне родня*)» (курсив наш. — Е. Ш.) может предполагать значение «родства» [8, с. 34]: «Я думаю, что сначала, напр., вр. *бѣлка подпаль* — об одной белке (как «человек (этот) — *брянь*»), затем, вместе с переходом определяемого в собирательное, в том же направлении изменяется и определительное: *бѣлки подпали 2000*» [8, с. 34] и т. п. Здесь определительное имя еще не имеет собирательного значения — это имя качества. Таким образом, говоря о том, что на переходе к собирательности имя качества сперва обозначает свойство «одного», А. А. Потебня, возможно, имел в виду не семантический, а синтаксический признак имени, его функционирование: в обоих случаях перед нами имя качества, только применяемое к разному количеству лиц, предметов: и в структуре «*бѣлка подпаль*», и в структуре «*бѣлки подпали 2000*» *подпаль* — имя качества, еще не собирательное. О собирательном значении в таких случаях говорить еще «рано».

Составной частью теории А. А. Потебни о развитии собирательности из значения качества является синтаксическая (функциональная) характеристика соответствующих имен. Рассматривая определительное (атрибутивное) употребление существительных, он выделяет случай, когда «*собирательность атрибута* изображена единств. числом существительного конкретного» [8, с. 117]. И хотя ученый не всегда проводит различие между качественным и собирательным значениями имени (ср. выше), важно, однако, то, что самое собирательность он связывает

с качественностью. Ср.: «А иная сила Псковская нерубленіи *людіе охочей челоуѣкъ* въ то же время ходиша за Изборскъ, Псков. лет. 1, 223... (При соблюдении согласования, без синекдохи: мужи Псковичи..., добровольніи люди, Пск. лет. 1, 226). Так возможно и доньше: без ученья господам нельзя; без ученья только нашему брату *хаму, рабам* вашим в пору, Е. Марков. Онъ же сѣдя на Торжку поча воевати *Волгу люди* Всеволожѣ, Лавр. лет.. 368. (Волжских, сидящих по Волге подданных)» [8, с. 117]. Наряду с определительным существительным в собирательном значении А. А. Потебня выделяет «определяемое собирательное отвлеченное», каким считает *рать, дружина* и т. п. Ср. также: «Само собою, что определительные, не имеющие другого значения кроме собирают., и не ставятся иначе, как в единств. числе: дрова *сырье*» [8, с. 120]; «Вся люди Голядь, Ип. л., 240» [8, с. 121] и т. п.; «Случай средний между а) и б), т. е. сочетание единственного числа конкретного имени в собирательном значении с единственным собирательного отвлеченного в следующем: Маючи при собѣ *пѣхоти килка* тысячь и *комонника компанѣи* немало», Лет. Самов., 104 (конных компанейцев или компанейских всадников)» [8, с. 119].

Определяя способ перехода от качественности к собирательности, А. А. Потебня оперирует понятием *качества* (а не только количества). Ср.: «Что до способа перехода от качественности к собирательности, то за *исходную* точку или образец можно принять случаи, когда качество, понимаемое как *особь* (лицо), принадлежащее другой особи, служит символом многих обладающих *этим качеством особей*» (курсив наш. — Е. Ш.) [8, с. 36], т. е. предикатное имя, обозначающее качество, свойство множества лиц, предметов. Следующий этап — и последний — конкретизация имени, употребление его в идентифицирующей функции. Если собирательное значение развивается на основе качественного, а типичным способом выражения последнего является форма *единственного* числа, то на вопрос, который кажется А. А. Потебне «уместным»: «не синекдохична ли *всякая* собирательность...?» [8, с. 29], следует ответить положительно. Ограничивая содержание настоящей статьи отмеченными наблюдениями А. А. Потебни над собирательной семантикой, укажем, что в его труде раскрываются и многие другие существенные ее стороны, которых мы здесь не коснулись, но которые заслуживают глубокого внимания.

Список литературы: 1. Азарх Ю. С. Из истории русского словообразования. — Уч. зап. Елабужск. пед. ин-та, т. 13, 1962, с. 148—179; Ножкина Э. М. Значение имен существительных с суффиксом -ѣств(о) в древнерусском языке. — Вопросы рус. языкознания. — Саратов, 1961, с. 31—50; Томіліна Г. Я. До типологічно-зіставного вивчення збірних іменників у сучасних східнослов'янських мовах. — Мовознавство, 1971, № 5, с. 28—34; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века/Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литера-

турном языке XIX века. — М., 1964, с. 86—121. 2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976. — 383 с. 3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Госучпедгиз, 1959. — 623 с. 4. Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. 1—4. — Киев, 1958. 5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. — М., 1955. 6. Карский Е. Ф. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. — Труды по белорусскому и другим славянским языкам. — М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 58.—112. 7. Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951. — 491 с. 8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3. — М., 1968. — 552 с. 9. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905. — 649 с. 10. Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 2. — М.: Госучпедгиз, 1952. — 206 с. 11. Словарь русских народных говоров. — Л.: Наука, 1972. — 369 с. 12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3. М., 1958. 13. Этимологический словарь славянских языков. — М.: Наука, 1978. — 232 с.

Н. И. СУКАЛЕНКО, канд. филол. наук

КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА И ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Сравнительно недавно возникла новая область семантики — комбинаторная семантика, изучающая как взаимодействие значений слов, так и отдельных компонентов значений на синтагматическом уровне.

Как отмечает М. В. Никитин, «общим недостатком существующих комбинаторно-семантических концепций является односторонняя лексико-центрическая ориентация, в которой определяющими оказываются представления о семантике отдельного слова, точнее сказать, о его словарном конструкте (отображении в некоем словаре)» [4, с. 35]. Однако задолго до появления комбинаторной семантики, еще в конце XIX века, аналогичную мысль высказал гениальный лингвист А. А. Потебня, считая, что «рассматривать слово, каким оно является в словарях, — это все равно, что рассматривать растение, каким оно является в гербарии» [7, с. 3—4]. Огромную роль для общелингвистических исследований, в особенности для развития теоретических положений комбинаторной семантики, играет поэтическая и шире образная речь, так как именно здесь может быть представлен максимальный набор комбинирования значений слов и отдельных дифференциальных признаков значений.

Поэтический язык имеет как содержательную, так и структурную специфику. Содержательная специфика заключается в особой сгущенности мысли, т. е. в несопоставимо большей информативности поэтической речи по сравнению с речью повседневной. А. А. Потебня неоднократно подчеркивал, что «роль поэзии в человеческой жизни есть роль синтетическая, она способствует нам добывать обобщения...» [7, с. 75] и поэтому «поэтическая деятельность (мысли) есть один из главных рычагов в усложнении человеческой мысли и в увеличении быстроты ее движения» [7, с. 97].

А. А. Потехня также чрезвычайно точно раскрыл и одну из главных структурных особенностей поэтической речи, отмечая, что «поэтичность отдельных слов и словосочетаний, как бы это ни было ощутимо, ничтожна по сравнению со способностью языка создавать образы как из образных, так и из безобразных сочетаний слов» [9, с. 9], и подчеркивая роль синтагматических ассоциаций: «например, в молитве «Отче наш» первое слово ее вызовет остальные» [7, с. 106]. Действительно, значение критерия сочетаемости для характеристики образной речи в настоящее время общепризнано. Искусство слова, как и любой вид искусства, должно считаться с особенностями человеческой психики, которая при восприятии информации не терпит как перегрузки, так и недогрузки. В искусстве недопустимы ни выпадение явлений из принятого в данной системе типа условности (ср. требование жанра и т. п.), ни замедленность и недостаточная новизна информации. Специфика уровня сочетаемости наилучшим образом соответствует основной функции образной речи, направленной на выведение читателя из обычного автоматического восприятия повседневной речи. Она заключается в том, что соединение слов осуществляется по различным законам, отражая как языковые факторы (традиционную норму), так и экстралингвистические (структуру логических отношений объективной действительности). Нормативные закономерности сочетаемости не лежат на поверхности сознания носителей языка прежде всего из-за огромного количества слов, соединяющихся друг с другом, и поэтому строгой кодификации не подлежат. Как отмечают психологи, «составной частью сложного языкового устройства является громадный алфавит сочетаний из двух слов, но жесткий и полный список всех слов будет обременителен для памяти [3, с. 63]. Кроме того, даже эти эксплицитно не выраженные закономерности не являются застывшими, а постоянно и в то же время незаметно для конкретных носителей языка изменяются. В свою очередь наши знания о связях и отношениях объективного мира также находятся в движении и на протяжении всей жизни непрерывно переоцениваются нами. Если учесть также то обстоятельство, что поэты и писатели нередко намеренно нарушают как языковую норму, так и структуру логических отношений объективной действительности, то становится вполне очевидным, что предусмотреть совершенно невозможно, как конкретно в каждом отдельном случае будут комбинироваться смыслы сочетающихся слов.

Общезвестно замечание Л. В. Щербы о существовании неизученных правил сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы [11, с. 24]. Эти новые смыслы чаще всего возникают из расположенных рядом слов, так как сама смежность уже таит в себе возможность взаимодействия значений данных слов. Как известно, глагол в миниатюре содержит опре-

деленную ситуацию, предопределяя до некоторой степени семантику субъектов и объектов действия. Поэтому при изменении нормативной сочетаемости последние как бы приобретают от глагола новые семы (см. пример из стихов Г. Державина, использованный Н. Д. Арутюновой: «Алмазна сыплется гора», т. е. обращается внимание на зернистость водопада» [1, с. 91]). Чрезвычайно интересным является то обстоятельство, что при комбинировании смыслов слов, находящихся рядом, могут выдвигаться на первый план признаки, непосредственно не содержащиеся в значении слова, а как бы связанные с ним ассоциативно. Анализируя сложность значения слова, А. А. Потегбня подчеркивал, что «предмет мысли не есть только совокупность (сумма) признаков, его составляющих, он не есть только $A+B+C+D$, но включает в себе возможность и новых признаков, вовсе не данных» [6, с. 77]. Например, в слове «обвал» из цветаевской фразы «обвалом лавра... я тебя загораживаю от зала» из-за соседства со словом «лавр» на первый план выдвигаются признаки «большого количества лавра» и «грандиозности, стремительности» действия, непосредственно не содержащиеся в значении слова «обвал», а известные нам по представлениям о том, как происходят обвалы. Особенно показательны в ассоциативном плане слова, имеющие единичную сочетаемость, и именно поэтому как бы отвечающие семантикой соседних слов, скрепленных с ними прочной синтагматической связью. Например, в сочетании «скоропостижно женился» выделяется сема «катастрофичности», безусловно, вызванная ассоциацией со словом «смерть» [2, с. 65].

Если слова, имеющие единичную или резко ограниченную сочетаемость, поставить рядом не с ожидаемыми словами, а со словами, противоположными им по значению, то нередко можно столкнуться с комическим эффектом (например, заклятые друзья, отъявленные молодцы). В данном случае прилагательные заклятые и отъявленные сочетаются только со словами враги и названиями лиц, которые всем известны своими отрицательными качествами (ср. отъявленные негодяи, подлецы, плуты, мошенники и т. д.). Замена же нормативно ожидаемых существительных их смысловыми антонимами и сохранение прилагательными прочной ассоциации с семантикой синтагматически требуемых существительных и создает комический эффект. В некоторых случаях для того, чтобы правильно понять сообщение, необходимо незначительно или существенно переосмыслить семантику определенных понятий (при этом следует иметь в виду, что при декодировании информации опора на явные или скрытые признаки данного понятия все же сохраняется). Как отмечает И. Р. Гальперин, «выработанный автоматизм соединения единиц кода заставляет подвергнуть значение одного из компонентов переосмыслению для того, чтобы сохранить

структурное соотношение единиц кода» [2, с. 63]. Анализируя оксюморонные сочетания, М. В. Никитин делает интересный вывод, заключающийся в том, что осмысленных сочетаний с абсолютной антитезой интенционалов не может быть по двум причинам: 1) контрадикторность относительна и снята контекстом для данного случая; 2) имеет место семантический сдвиг в одном из членов сочетания, так что в новых значениях они не антонимичны. Например, «безжизненная жизнь» — не жизнь без жизни, а скучная, пресная, вялая жизнь, жизнь без интереса [4, с. 121, 123].

С другой стороны, по наблюдениям того же М. В. Никитина, при тождественности значений зависимого и главного слова первое, тем не менее, способно ограничить объем второго и образовать с ним синтетическое понятие. В самом деле, «дивное диво» означает «большое», так сказать, «оченное» «диво» [4, с. 96].

Нарушение автоматизма повседневной речи может объясняться не только появлением у слов добавочных смыслов, но и прямым разрывом логических отношений объективной действительности. Так, при описании чувственного познания мира слова из разных сфер сочетаются друг с другом (ср. «солнца луч умолк» у Данте, «смотреть грома» у К. Паустовского), в поэтической речи вместо ожидаемых материальных объектов возникают нематериальные (ср. «воздух замешен... так же густо, как земля» у О. Мандельштама, «день промыт, как стекло» у А. Тарковского).

В результате нарушения логических отношений действительности возникает некоторая аморфность соединяемых смыслов, иначе особая семантика недоговоренности и недосказанности, так как пределы варьирования значения слова и его оттенков достаточно велики. Ср., например: «пора... к широкой осени московской» (А. Ахматова), «ты еще прозрачный школьник» (А. Тарковский). В приведенных примерах слова «широкая» и «прозрачный» могут иметь много разных смыслов: «широкая осень» — «охваченная пожаром разноцветных листьев», «добрая, хлебосольная» (в смысле богатая грибами, ягодами и т. д.); «прозрачный школьник» — «юный», «чистый», «младенчески ясно смотрящий на мир» и т. д. Следует отметить, что невозможно точно установить границу между легко декодируемыми сочетаниями и сочетаниями, имеющими достаточно большие пределы варьирования. «Как и всякая граница между явлениями психолингвистического характера, — подчеркивает И. Р. Гальперин, — эта граница расплывчата, один тип сочетаний незаметно переходит в другой» [2, с. 67]. Вероятно, учитывая в первую очередь легко декодируемые сочетания, М. В. Никитин отрицает существование особого поэтического кода, считая, что логические закономерности сцепления смыслов и в поэзии сохраняют свою силу, т. е. «суть дела не в том, что вещи, свойства и их связи

помыслены аномально, а в том, что они ненормативно выражены» [4, с. 130]. Следовательно, отрицается существование того явления в образной речи, которое К. Паустовский назвал «смещением понятий» [5, с. 569]. Однако особая семантика недосказанности возникает в первую очередь за счет резкого нарушения логических отношений объективной действительности, так как о ненормативности выражения можно говорить только в том случае, если язык располагает другими, закрепленными традиционной нормой средствами для выражения этого же значения. Но выразить, к примеру, другими словами, т. е. нормативно, идею соединения сумерек и коринки невозможно (ср. сочетание у Б. Пастернака: «прибавить к сумеркам коринки»). По всей вероятности, именно смещение понятий, эффект которого впервые поняли футуристы, придает резкую выразительность слову и обеспечивает значительные пределы варьирования значений.

В некоторых случаях при декодировании информации недостаточно соположенных слов, т. е. минимального контекста, о котором шла речь, и тогда ищется опора в более обширном контексте. Например, подобные неологизмы, созданные не по моделям языковой системы, без четко выраженной производящей основы, а поэтому полностью привязанные к контексту, по всей вероятности, возможны в основном в художественной речи (ср. неологизм М. Цветаевой, относящийся к юности: «Полосни лазоревою шалью, шалая моя. Пошалевали досыта с тобой»). В данном случае глагол как бы одновременно мотивирован и через существительное «шаль», и через прилагательное «шалая».

С ориентацией на неожиданность связана в поэтическом языке и роль частотности языковых единиц. Если для повседневной речи установлено, что чем выше частотность слова, тем дольше оно сохраняет значение, то в поэтической речи употребление нечастотных и окказиональных слов, не опирающихся на языковые модели, может играть положительную роль. Соположенность слов, в силу ассоциации по смежности немедленно объединяющая их значения, может, кроме того, сочетаться с явлениями грамматического характера. В частности, особый тип нарушений логических связей объективной действительности представляет несоответствие грамматической и логической однородности — неоднородности, т. е. грамматически однородные члены объединяют логически несовместимые понятия, в данном случае названия конкретных предметов и пространственно-временные отношения (например, «в капиллярах ненастья и вереска» у Б. Пастернака, «немного красного вина, немного солнечного мая» у О. Мандельштама). Грамматическая однородность эксплицитно может быть не выражена, однако данное сочетание легко допускает трансформацию в конструкцию с однородными членами. Так, сочетание Б. Пастернака «прибавить к сумеркам коринки» можно заменить на «смешать сумерки и коринку». Нарушение грамматических закономерностей в «чистом

виде», т. е. не подкрепленное семантическим взаимодействием соположенных слов, также может быть одной из причин особой сгущенности мысли в поэтической речи. Как отмечает И. И. Ревзин, определенная специфика фраз поэтического языка объясняется действием модели с расширяющимся множеством фраз, особенностью которой в том, что фразы производятся не из абстрактных структур, а как бы на фоне уже имеющихся фраз («образцовых форм») и должны восприниматься по отношению к ним [10, с. 215]. Например, предложение М. Цветаевой «Всей бессонницей я тебя люблю» И. И. Ревзин декодирует на фоне следующих образцовых фраз: «Я всей душой тебя люблю»; «Я страдаю душой»; «Я страдаю бессонницей» (запрещены все нарушения согласования и управления). Если при обычной контракции логическое и грамматическое переподчинение происходит между эксплицитно выраженными членами предложения, то в более сложных случаях переподчинение может относиться как к отсутствующим членам предложения, так и целым предложениям. Ср. например, с одной стороны, фразы М. Цветаевой «Мы шли по последней Москве», «так в ночь глядит последними глазами наложница последнего царя» и предложение В. Орлова «ранний школьник, портфель бросив под ноги, стоял», с другой, существующие на фоне привычных, нормативных «мы шли по Москве в последний раз», «так в ночь глядит в последний раз наложница последнего царя», «школьник, который оказался на улице рано, портфель бросив под ноги, стоял». По-видимому, все особенности образной речи потенциально заложены в повседневной: вопрос сводится к их большей частотности в художественной речи. В свою очередь и в речи бытовой они также встречаются с различной частотой, а, кроме того, на фоне неодинаковой распространенности в образной речи и в повседневной кажутся привычными в различной степени. Например, нарушение логического противопоставления одушевленности—неодушевленности из-за его частой встречаемости в художественной речи и в бытовой может пройти почти незамеченным (ср. голубоглазый василек, застенчивый цветок). Смешение же понятий, обозначающих конкретные, материальные предметы, с пространственно-временными отношениями или различные виды контракции сразу будут ощутимы.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976. — 383 с. 2. Гальперин И. Р. К проблеме необычных сочетаний слов. — В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. — Изд-во Моск. ун-та, 1978, с. 61—70. 3. Жинкин Н. И. Грамматика и смысл (разбор случая семантической афазии у ребенка). — В кн.: Язык и человек. — Изд-во Моск. ун-та, 1970, с. 63—83. 4. Никитин М. В. О предмете и понятиях комбинаторной семантики (взаимодействие лексических значений слов в словосочетаниях). В кн.: Проблемы лексической и грамматической семасиологии. —

Владимир, 1974, с. 1—147. 5. *Паустовский К. Г.* Золотая роза. — Собр. соч. в 6-ти т., т. 2 — М.: ГИХЛ, 1957, с. 485—697. 6. *Потебня А. А.* Психология поэтического и прозаического мышления. — В кн.: вопросы теории и психологии творчества, т. 2, вып. 2. — Харьков, 1910, с. 137—159. 7. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. — Харьков, 1894. — 162 с. 8. *Потебня А. А.* Мысль и язык. — Харьков, 1913. — 186 с. 9. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 1—2. — М.: Учпедгиз, 1958. 10. *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. — М.: Наука, 1977. — 263 с. 11. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974, с. 24—39.

Л. В. ДОРОГАНЬ

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДАХ Н. М. БАЖЕНОВА И А. М. ФИНКЕЛЯ

Имена Николая Михайловича Баженова (1885—1963) и Александра Моисеевича Финкеля (1899—1968), научно-педагогическая деятельность которых долгие годы была связана с Харьковским университетом, широко известны в советском языкознании. Своим многогранным творческим трудом они внесли весомый вклад в развитие народного образования на Украине, в науку о языке и методику преподавания языка в высшей и средней школе. Активная преподавательская работа, участие в создании программ и учебников по русскому языку в 20-е, 30-е годы — годы становления советской школы и в послевоенный период, многочисленные статьи, брошюры, рецензии, методические рекомендации для учителей-словесников — таков диапазон их неутомимой исследовательской и просветительской деятельности.

В 1933 г. выходит в свет «Грамматика русского языка» Н. М. Баженова в двух частях: Ч. I. Морфология, Ч. II. Синтаксис — первый наиболее совершенный с методической точки зрения учебник для украинской общеобразовательной школы [1]. Уже в этом учебном пособии и в опубликованных почти одновременно методических указаниях к нему «Как преподавать грамматику русского языка в школе с украинским языком преподавания» (1934) [2] проявились четкие методические позиции Н. М. Баженова. Стремясь подчинить преподавание русского языка целям всемерного развития познавательной активности учащихся, Н. М. Баженов намечает методику организации коллективной и индивидуальной работы школьников, предостерегает учителя от поверхностного, механического подхода в изучении языка: «...неумеренное «разжевывание» учебного материала, — пишет он, — а тем более такое «облегчение» выполнения заданий, при котором работа мысли учащегося сводится к нулю, приобретая нудный, чисто механический характер, приходится подвергнуть безусловному осуждению» [2, с. 9]. Чрезвычайно важными представляются замечания методиста о том, как пользоваться учебником в качестве справочника, как организовать систематическое повторение, как осуществить органическую взаимосвязь

преподавания русского и украинского языков. Как учебник, так и методические указания проникнуты заботой составителя о воспитании культуры устной и письменной речи детей, о прочном и осознанном усвоении основных лингвистических понятий и орфографических норм. Несмотря на то, что министерские инструкции тех лет не предусматривали систематической работы учащихся по грамматическому разбору, Н. М. Баженов значительно часть заданий специально осложняет элементами грамматического анализа. Почти каждое упражнение его учебника могло быть использовано в целях «синтетического (обобщающего) разбора (часть речи, форма, а в синтаксисе — член предложения, тип связи и т. п.)» [2, с. 8]. Таким образом, круг затронутых в методических указаниях вопросов и характер их рассмотрения свидетельствуют о стремлении автора оказать практическую помощь учителям школ с украинским языком обучения в преподавании грамматики, орфографии и пунктуации русского языка. В дальнейшем «Грамматика» и методические указания Н. М. Баженова легли в основу стабильных учебников по русскому языку, созданных им в соавторстве с А. М. Финкелем в 1938 г. и вплоть до 1960 г. находившихся на вооружении украинской средней школы. (К 1959 г. «Учебник русского языка. Ч. I. Фонетика и морфология» выдержал 17 изданий, а «Ч. II. Синтаксис» переиздавался 22 раза) [3; 5].

Учебники А. М. Финкеля и Н. М. Баженова соответствовали самым высоким дидактическим требованиям. Им были присущи простота, доступность и вместе с тем глубокая научность в изложении теоретических понятий, практическая целесообразность упражнений и заданий для самостоятельной работы учащихся. Обращают на себя внимание бережное отношение к неисчерпаемым богатствам русского языка, своеобразное лингвистическое чутье и научная прозорливость, предопределяющие дальнейшее развитие языковедческой науки и методики преподавания. Примечателен в этом плане материал, посвященный словообразовательным явлениям в русском языке. Рассмотрение данной проблемы особенно важно и в настоящее время в условиях близкородственного билингвизма украинской школы. Специального раздела «Словообразование» в учебнике по вполне понятным причинам нет: в те годы словообразование еще только складывалось как отдельная отрасль языкознания, а самостоятельный статус оно впервые получило в школьной программе лишь в 1970 г.

В соответствии с давней традицией изучением раздела «Состав слова» начиналась морфология, где параллельно с освоением частей речи учащиеся знакомились и со способами их образования. В учебнике А. М. Финкеля и Н. М. Баженова теоретический материал по словообразованию излагается дедуктив-

но. Все теоретические посылки и выводы строятся на серьезной лексико-семантической основе. Изложение материала характеризуется глубокой научностью, логической последовательностью. После понятия об основе и окончании дается представление о производных и непроеизводных основах, при этом вводится понятие значащей части слова: «...основы могут делиться на значащие части, то есть такие, каждая из которых имеет свое определенное значение» [5, с. 37]. Параллельно проводится мысль о родственных, однокоренных и одноструктурных словах. Все эти положения иллюстрируются простыми и выразительными примерами, которые сопровождаются лаконичными, легко воспринимаемыми комментариями [см. 5, с. 39]. Внимание к смысловой стороне морфемы, что чрезвычайно важно для обогащения словаря учащихся украинской школы, цементирует все другие параграфы учебника. Характеризуя типы морфем и знакомя учащихся с методикой морфемного членения, авторы подчеркивают мысль о повторяемости не только служебных морфем в одноструктурных словах (*пребольшой, предлинный, предобрый* — приставка *пре-* со значением усиительности (очень большой, очень длинный и т. п.); *прочитать, продумать* — приставка *про-* означает «довести действие (читать, думать) до конца»), но и о повторяемости корня во всех словах, «близких по смыслу и по звукам». Например: *красный, краска, красить, красенький, красноватый, покраска, докрасна* [5, с. 39]. Авторы сообщают, что слова образуются от слов, а не от корней. Слова, образованные от одного слова, являются близкими по происхождению и смыслу, то есть родственными (*домик, домишко, домашний, бездомный*). «Если же в разных словах корни по звукам одинаковы, но по значению различны, то такие слова не родственны» [5, с. 39]. Так предупреждается смешение омонимичных корней. В учебнике имеется реестр наиболее продуктивных аффиксов, значение которых становится более доступным пониманию учащихся в сопоставлении с аналогичными случаями в родном языке. Овладение лексическим (деривационным) значением служебных морфем способствует самостоятельной семантизации учащимися слов с неизвестным лексическим содержанием. Приводя примеры одноструктурных слов, методисты по существу знакомят школьников со словообразовательными рядами, которые могут быть продолжены самими учащимися, что также способствует развитию их речи. Если внимательно прочитать § 25, то нельзя не заметить, что авторы пытаются научить детей и толкованию производных слов путем использования местоимений *тот, что* и производящего, мотивирующего глагола (*возчик* — тот, кто возит; *разносчик* — тот, кто разносит и т. п.), а также показывают, что одни и те же значения передаются в русском языке разными способами (суффикс *-ик* = маленький,

приставка *пре-* = очень и т. п.) [5, с. 39]. Как видим, все тонкости словообразовательного анализа и синтеза учтены авторами, и учителю оставалось лишь творчески использовать указанные рекомендации на практике. Ряд упражнений учебника фактически готовит учащихся к словообразовательному анализу, к активной работе мысли. Например: *Упр. 70*. От данных слов с помощью приставок и суффиксов образуйте новые. Глаз. Море. Двор. Земля. Село. Дождь. Голова. Зуб. Род. Слава. *Упр. 71* носит характер творческой работы, одновременно преследуя и орфографические цели: Данные выражения замените словами по образцу: *пицца без вкуса — безвкусная*. Аналогично *упр. 75* на образование глаголов от имен существительных: *издавать скрип — скрипеть, оказывать помощь — помогать, испытывать радость — радоваться* и т. п. *Упр. 72* дает возможность установить смысловую роль корня в указанных производных словах по отношению к соответствующим экстралингвистическим фактам: Объясните, от каких слов образованы названия. А. Животных в сказках: Мышка-норушка. Зайчик-побегайчик и т. п. Б. Птиц, зверей, насекомых, рыб: Удав. Головастик, Мокрица и т. п. В. Предметов: Землянка. Варенье. Ухват. Кусачки (щипцы) и т. п.

Думается, что такие упражнения должны быть наиболее популярны в школьном преподавании и сегодня, поскольку они легко приводят детей к пониманию того, что в русском языке зачастую смысловое значение корней слов прямо соотносится с тем предметом, признаком, действием, по которому они названы. Из методических соображений понятие корня в учебнике А. М. Финкеля и Н. М. Баженова дается перед понятием о суффиксе и приставке. Такой подход следует считать вполне оправданным, так как, изучая аффиксы, учащиеся оперируют понятием корня слова. Большое значение для правильного членения слова на его составные части имеет изучение явлений чередования гласных и согласных звуков, что обычно вызывает у школьников определенные затруднения в правописании. И здесь составители учебника проявляют педагогическую прозорливость. Они не только приводят список важнейших случаев чередования гласных и согласных в корнях слов, но и пытаются разъяснить роль этих чередований в современном русском языке, что особенно важно для учащихся-украинцев [см. 5, с. 45, 55]. Основные чередования усваиваются в течение ряда уроков путем выполнения тренировочных упражнений различного типа. Несмотря на то, что собственно словообразовательные понятия в соответствии с действующими тогда программами в школе не изучались, А. М. Финкель и Н. М. Баженов предлагают учащимся упражнения, в которых требуется указать, от какого слова образованы выделенные слова, и подчеркнуть чередования согласных. Например: *визжал — визг, гуще — густой, мучной — мука* (упр. 97). Такие упражнения, хотя и предлагаются в ор-

фографических целях, по мнению авторов учебника, развивают языковое чутье и лингвистическое мышление учащихся. Таким образом, уже в разделе «Состав слова» составители учебника пропедевтически знакомят пятиклассников с основными разновидностями морфологического способа словообразования: префиксацией, суффиксацией, сложением (в том числе и с различными способами образования сложносокращенных слов). А. М. Финкель и Н. М. Баженов считают целесообразным и знакомство учащихся с полногласными и неполногласными сочетаниями. При этом они не только обращают внимание на расхождение в значении слов типа *преграда* (препятствие) — *перегородка* (небольшая тонкая стенка), *голова* (часть тела) — *глава* (раздел книги или в значении возглавляющего: глава правительства), *хоронить* (погребать мертвых) — *хранить* (сберегать), вызываемое и поддерживаемое этим явлением чередования полногласных и неполногласных сочетаний, но и на стилистическую роль тех же сочетаний в разных жанрах речи. Изучение элементов словообразования используется авторами в целях более осознанного, а следовательно — эффективного обучения орфографии. На словообразовании базируется и правописание приставок, и написание буквы *Ы* после приставок, и правописание сложных и сложносокращенных слов, и другие правила. Известно, что, обучая школьников составу слова, учебник знакомит их и с процедурой морфемного анализа. По мнению А. М. Финкеля, при проведении морфологического разбора школа не имеет права проходить мимо трудных случаев и ограничиваться лишь само собой разумеющимися явлениями, так как то, что само собой понятно не имеет ни обучающего, ни воспитательного значения [см. 6, с. 13]. Профессор считает необходимым использовать и этимологический анализ слов, добиваясь осмысленного восприятия языковых фактов. В своей статье «Складні випадки морфологічного аналізу слова» [6] он рассматривает прежде всего случаи морфологического членения слов, изменивших свой фонетический облик. Здесь необходима не только фонетическая, но и семантическая аргументация, то есть показ развития понятий, а иногда даже и развития вещей, этими понятиями обозначенных. Так например, рассматривая слова *коса* — *прическа*, *оскома* — *щемить*, *горло* — *ожерелье* и другие, ученый неоднократно подчеркивает мысль о необходимости установления семантических связей между словами, без чего единство морфемы в разных словах не осознается. Автор подробно останавливается на фонетических процессах, усложняющих морфологический анализ слов, и предлагает вниманию учителя богатый историческими комментариями и ценными научными изысканиями материал. Значение этой работы для учителя-языковеда трудно переоценить.

В своем учебнике А. М. Финкель и Н. М. Баженов широко

употребляют специализированные упражнения-переводы с украинского языка на русский. Эти упражнения, по мысли авторов, приучают детей к сознательному пользованию языком. Разрабатывая теорию и практику перевода, А. М. Финкель подчеркивал, что без перевода немыслимо обучение языку. Перевод одновременно обогащает знание и понимание и того языка, с которого делается перевод, и того, на который переводится. Перевод дает возможность овладеть словарным запасом и грамматическим строем языка, выработать не только правильное, но и стилистически разнообразное владение его средствами [см. 7, с. 49—50]. К сожалению, в школах Украины с русским языком обучения упражнения по переводу не получили на уроке и вне его достаточно широкого применения. Свои учебники Н. М. Баженов и А. М. Финкель строили с учетом возрастных особенностей учащихся, а также их интересов и возможностей, последовательно проводя известное педагогическое правило «от простого к сложному, от известного к неизвестному», при этом сохраняли логическое развертывание материала.

В современном учебнике русского языка для 4 класса школ с украинским языком обучения [4] раздел «Состав слова» в основном сохраняет структуру, принятую в учебнике А. М. Финкеля и Н. М. Баженова, однако он не содержит, в частности, материала о производной и непроизводной основе слова. Исключение этих понятий кажется неправомерным, так как знакомство с ними школьников 4 класса подготовило бы их к изучению словообразования в 5 классе. Следует отметить также, что в ныне действующем учебнике теоретический материал излагается несколько упрощенно, методические рекомендации, предопределяющие действия ученика, недостаточно точны и зачастую не способствуют правильному самостоятельному решению лингвистических задач.

Обращение к педагогическому опыту и методическому наследию Н. М. Баженова и А. М. Финкеля и использование его в школьной практике и сегодня может принести большую пользу в повышении уровня преподавания русского языка и качества знаний учащихся.

Список литературы: 1. Баженов Н. М. Грамматика русского языка/Ч. I. Морфология/Ч. II. Синтаксис/Учебники для средней школы с укр. яз. преподавания. — Харьков: Рад. школа, 1933. 2. Баженов Н. М. Как преподавать грамматику русского языка в школе с украинским языком преподавания. — Харьков: Рад. школа, 1934. — 24 с. 3. Баженов Н. М. Учебник русского языка/Ч. II. Синтаксис. (Для 6 и 7 кл. средней школы с укр. яз. преподавания). Изд. 22-е. — Киев: Рад. школа, 1959. — 180 с. 4. Иваницкая Г. М., Пашковская Н. А., Сурова Н. В. и др. Русский язык/Эксперим. учебник для 4 кл. школ с укр. яз. обучения. — Киев: Рад. школа, 1972. — 120 с. 5. Финкель А. М., Баженов Н. М. Учебник русского языка/Ч. I. Фонетика и морфология (для 5 и 6 кл. средней школы с укр. яз. преподавания). Изд. 17-е. — Киев: Рад. школа, 1959. — 304 с. 6. Финкель О. М. Складні випадки морфологічного

аналізу слова.— Укр. мова та літ. в школі, 1960, № 3, с. 8—15. 7. *Фінкель О. М.* Переклад у середній школі. — Укр. мова та літ. в школі, 1952, № 5, с. 44—54.

Н. Н. МЧЕДЛОВА-ПЕТРОСЯН

О ДВУХ СПОСОБАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕЙТРАЛЬНОСТИ/СПЕЦИФИЧНОСТИ ЛЕКСИКИ

Одним из важнейших аспектов исследования лексической системы языка является социолингвистический аспект, предполагающий изучение системных отношений в словарном составе через их отображение в специальных сферах функционирования языка — в подъязыках. Под подъязыками понимаются языковые подсистемы, характеризующиеся определенным набором языковых единиц и отношениями между ними, которые задаются тематически однородной областью социального функционирования. Основным инструментом СВА (структурно-вероятностного анализа), введенного в практику социолингвистического исследования Н. Д. Андреевым, является КФ (коррелятивная функция) [1]. Это величина, которая дает возможность судить как о специфичности, так и о нейтральности данного языкового явления в том или ином подъязыке. КФ получается делением относительной частоты этого явления в рассматриваемом подъязыке на относительную частоту этого же явления по всем подъязыкам в целом. Принадлежность КФ данного явления к одной из трех возможных зон — нейтральности, положительной специфичности, отрицательной специфичности — и определяет нейтральность/специфичность этого явления. Для разделения функционального пространства на указанные зоны необходимо вычленение нейтральной зоны значений КФ, или вернее, зоны ее нейтральных значений. В структурно-вероятностном анализе принято пользоваться либо эмпирическим, либо математическим способами определения границ этой зоны.

Эмпирический способ, оправдавший себя в ряде исследований, был применен нами при определении нейтральной зоны значений КФ лексики, прошедшей порог неслучайного появления (по эмпирическому критерию) в художественных английских текстах XIX и XX веков. В эту зону попали лексемы с $0.81 \leq \text{КФ} \leq 1.22$. Два крайних класса значений КФ, представляющие зоны положительной и отрицательной специфичности, определялись при $\text{КФ} \geq 1.23$ и $\text{КФ} \geq 0.80$ соответственно. Однако анализ спектра значений полученных нами КФ давал основание предполагать, что реальные границы нейтральности/специфичности лексем в подъязыках, обнаруживая диахронное подъязыковое сходство, могут не совпасть при сравнении подъязыков в синхронии. Применение триадного метода разграничения градуальных классов подтвердило правильность этого предположения [2, с. 115—117].

Значения КФ, номера которых получены как опорные:

XIX век		подъязыки	XX век	
№ 236	№ 472		№ 249	№ 498
0.79	1.09	диалог	0.78	1.08
0.86	1.08	авт. речь	0.90	1.12
0.86	1.17	поэзия	0.86	1.12

Значения границ нейтральных зон оказались следующими:

XIX век	подъязыки	XX век
0.85—1.17	диалог	0.85—1.18
0.89—1.12	авт. речь	0.89—1.12
0.86—1.17	поэзия	0.88—1.14

Таким образом, подтвердилась гипотеза (основанная на интуитивном представлении) о различиях между тремя основными подъязыками письменной художественной речи: диалога, прозаической авторской речи и поэзии. Если интервал значений КФ, расположенных в срединной зоне, полученной эмпирическим методом, был равен 0.42, то интервал значений КФ, оказавшихся в этой зоне по расчету триадным методом, колеблется между 0.24 и 0.34. Сопоставление длин нейтральных зон, полученных обоими методами, показывает, что триадный метод обеспечивает более строгий отбор лексем, относящихся к нейтральной общей лексике, тогда как требования к мерилу специфичности как бы понижаются, т. е. лексема может рассматриваться как обладающая положительной или отрицательной специфичностью при меньших, чем при эмпирическом методе, отклонениях от единицы. В процессе интерпретации экспериментальных данных выявилась большая пригодность триадного метода применительно к задачам нашей работы. Итак, лексема считается нейтральной к данному подъязыку, если значение ее КФ в нем находится в пределах срединной зоны; положительно специфичной, если значение ее КФ выше, и отрицательно специфичной, если значение ее КФ ниже граничных значений этой зоны. Периферийные зоны называются зонами положительной и отрицательной специфичности соответственно. Комплексная характеристика распределения лексемы по всем художественным текстам, анализируемым в нашей работе, дается по шестиступенчатой шкале, которой соответствуют шесть типов распределения лексики по всем исследуемым подъязыкам. Для определения типа распределения лексемы рассматривается принадлежность ее КФ к зонам функционального пространства в каждом из подъязыков, представляющих подсистемы в общехудожественной системе лексики. Условно обозначив положительную специфичность знаком +, отрицательную специфичность знаком —, нейтральность знаком 0, можно изобразить содержание наших типов распределения следующим образом:

I тип	0 0 0	III тип	0 0 +
IIa тип	+ — —	IV тип	0 0 —
IIб тип	— + +	V тип	+ 0 —

Такая классификация исчерпывает все возможные варианты сочетания специфичности и нейтральности в нашем случае, как в системе из трех подязыков. При сопоставлении структурных группировок лексики, полученных при классификации по вероятностно-дифференциальному признаку типа распределения, в синхроническом и диахроническом планах, выяснилось, что триадный метод имеет явное преимущество над эмпирическим, поскольку дает основу для более точной классификации, которая с наибольшей степенью достоверности приближается к реальным соотношениям в речи. Это дает возможность создать более стройную и четкую картину структурных отношений, свободную от разнобоя, не поддающегося интерпретации, имеющего место при оперировании эмпирическими типами распределения.

Список литературы: 1. Александров А. В., Артемов Р. Н., Ивашкин М. П. О вероятностно-структурном анализе. — Известия АН СССР/Серия лит. и яз., т. 29, вып. 3, 1970, с. 265—267. 2. Александров А. В., Андреев Д. Н., Андреев Н. Д. и др. Разграничение градуальных классов по триадному методу/Исследования по структурно-вероятностному анализу. — Горький, 1976. — 119 с.